

НИКОЛЬ ГАЛАНИНА

Демон-полукровка

Николь Галанина
Демон-полукровка

«Издательские решения»

Галанина Н.

Демон-полукровка / Н. Галанина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854143-8

Иногда демонами рождаются. Правда, не совсем демонами — полукровками. И жизнь становится настоящим адом. Всюду чужой, лишний. И даже если мать — наследная принцесса, все равно полудемон, получеловек, полукровка, полупринц. Правда о собственной сущности навалилась на де Седрихабу внезапно. И выбор невелик: оставаться человеческим или подчиниться своей демонической природе.

ISBN 978-5-44-854143-8

© Галанина Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. В Империи	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Демон-полукровка

Николь Галанина

Полукровка

Или подлинная история Ареллагана.

Princess the Half-Blood.

© Николь Галанина, 2018

ISBN 978-5-4485-4143-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. В Империи

Принцесса Мередит, изгнанная за неповиновение родителям, но не лишённая официально титула наследницы, не теряла надежды заполучить королевский престол. Она – вместе с мужем, Великим Духом, главой Верховного Совета Духов, и двумя детьми: Ареллаганом, и Бэарсэй, ведьмой, – проживала на пустынных восточных границах Империи, куда едва ли отваживалась ступить нога человека. Эти места издавна имели нехорошую славу: ведь именно здесь собирался на заседания Верховный Совет: почему, никто уже и не помнил. Духи обитали в пещерах, завешанных мраком, под корнями чахлах искореженных деревьев, едва цепляющихся за песчаную землю, некоторые же и вовсе, сделавшись невидимыми, парили в воздухе, перемешанные с облаками и сухими сквозными ветрами. Так чаще всего поступала молодёжь: старые и опытные сущности опасались, что их древнее естество может не выдержать столь долгого контакта с природой. Каждая сущность обитала будто бы сама по себе; крайне редко удавалось застать их скопление. В кучки любили собираться совсем юные духи, к которым Ареллагана и Бэарсэй не подпускали. Они жили, не выходя из своей преображённой во дворец пещеры, под строгим диктатом отца и неусыпным надзором матери.

Мередит уже давно утратила свою красоту и молодость. Молодость прошла под гулкими сводчатыми потолками пещеры, а знойные сухие ветры и безжалостно поджаривающее кожу солнце раньше времени сдули и выжгли все следы красоты с её загоревшего и огрубевшего лица. Великий Дух не продлял её жизнь: она не просила его, и он сам не чувствовал в этом необходимости. Ареллаган и Бэарсэй силились понять своих родителей, однако им никак не удалось этого сделать. Великий Дух мог перекраивать природу по своему усмотрению, но он почему-то предпочитал жить в согласии с законами, установленными Магией. Ареллаган был уверен, что Великий Дух может помериться силами и с Нею – настолько он был могуч. Могуч и справедлив – вот в чём вырисовывалась его сущность. Лишь однажды он позволил себе нарушить законы Верховного Совета: он привёз с собой девушку из рода людей, не обычную девушку, а наследную Принцессу, – и с тех пор, кажется, сам перед собой дал клятву никогда больше не преступать черты. Ареллаган и Бэарсэй томились внутри роскошного чрева пещеры, и ни разу за девятнадцать прошедших лет их не выпустили на волю. Им позволялось только сидеть на границе, где пересекались свет и тени, свобода и тюрьма, и слушать, как высоко под облаками с радостными воплями кружатся стайки необузданной демонической молодёжи. Устало вздыхая, Бэарсэй чертила тонкой палочкой по мокрой тяжёлой земле (впервые за долгое время её оросили дожди).

– И почему нас никогда и никуда не выпускают?

Ареллаган отложил в сторону старую книгу по магии, принадлежавшую матери (Принцесса Мередит, уезжая из дворца, забрала с собой только несколько ценнейших томов, и до сих пор ему не раз приходилось слышать, как она жалуется отцу, что не взяла всё). Угрюмыми глазами он уставился на пыльную дорогу, обожжённую солнцем. Вокруг них простирался самый унылый и бесплодный пейзаж из когда-либо существовавших, но он не видел прежде иного, и потому этот пейзаж ему казался жемчужиной в венце природного совершенства.

– Мы не такие, как остальные, – гордо сказал Ареллаган, – наш отец – Великий Дух, а мать – наследная Принцесса. Нас все боятся, и нас не выпускают к остальным, чтобы у нас не испортился характер. Ну, я так думаю, – после небольшой паузы прибавил он и сгрёб в горсть крошечные камушки. Камушки медленно обьял колышущийся фиолетовый огонь.

– А я думаю, что надо бы давно попроситься на волю, – предложила Бэарсэй. – Почему нам нельзя приехать во дворец и занять наш трон?

– Трон не наш, а мамин, – строго напомнил Ареллаган, – и маме решать, кому его отдать по наследству.

– Она мне его отдаст! – задиристо воскликнула Бэарсэй и вскочила на ноги. – Потому что я сейчас же пойду к ней и попрошусь во дворец!

Растворяясь в темноте, крохотная фигурка Бэарсэй побежала прочь. Ареллаган вскочил следом и протянул ей вслед руку:

– Эй! Подожди меня!

– Вот уж нет! – злорадно ответил из темноты голос Бэарсэй. – Кто первым прибежал, тот и первым трон занял!

Прицеливаясь наугад, Ареллаган прошептал короткое заклинание – и в спину Бэарсэй вонзилась щекочущая зелёная молния. Заливаясь смехом, Бэарсэй упала и нелепо задрыгала ногами, как пойманный кузнечик.

– Ой! Ой! – верещала она, брыкаясь и крутясь по часовой стрелке. – Ой, как щекотно! Прекрати, прекрати немедленно, дурак! Где ты этому... научился?

– Книги надо читать, – снисходительно отвечал Ареллаган.

Проведя рукой над дёргающейся в немыслимых конвульсиях сестрой, он снял заклятие – и неуместный громкий смех стих под низкими тёмными сводами пещеры. Но было поздно. Лишь оглянувшись, Ареллаган сообразил, куда завела их с сестрой бессмысленная команда. Они стояли у бокового прохода, заводившего в спальню матери. И вот она сама, недовольно сдвинув выгоревшие на солнце брови, выглянула в главный широкий проход. Её глаза загорелись багровыми точками.

– Ареллаган! Бэарсэй!

Бэарсэй постаралась скорее занять более внушительное сидячее положение, Ареллаган с готовностью поднял голову, хотя и понимал, что сейчас его будут ругать.

– Дикая шум, – процедила Принцесса Мередит, недовольно поигрывая бровями. – Ваш отец на заседании Верховного Совета, когда он вернётся, ему будет необходим отдых. А вы смеете шуметь! – её короткий возглас прогремел низко и угрожающе. – Теперь объясните причину, если у вас такая имеется.

– Э... мама, тут дело в том, что... – забубнила Бэарсэй. Глаза Принцессы Мередит вдруг загорелись, как у настоящего духа.

– «Госпожа матушка», Бэарсэй! Вспомни, чему я тебя учила!

Ареллаган не сдержал радостной улыбки: редко ему удавалось видеть Бэарсэй пристыженной...

Принцесса Мередит перевела гневный взгляд на него.

– А ты почему так счастлив, Ареллаган? Я слышала и твой голос!

– Госпожа матушка, мы искали Вас, – смело ответил он, не глядя матери в пылающие глаза. – Мы хотели спросить... не могли бы Вы всё-таки отпустить нас в большой мир, на нашу родину. Ведь...

– Родина у вас здесь, – жёстко отрезала Принцесса Мередит. К углам её рта протянулись две глубокие продольные морщины. – Там, на западе, живут люди. Люди повсюду, и мы не должны с ними встречаться.

– Но ведь мы же люди наполовину, – несмело возразила Бэарсэй, медленно поднимающаяся на колени.

– Вы не люди, вы – духи! – резко сказала Принцесса Мередит и решительно скрестила руки на груди. – И поэтому, дорогие мои, вы должны запомнить, что вход в людские земли нам заказан. Люди жестоки и непредсказуемы, им нельзя верить. Они предадут даже самых близких людей, а каждого, кто не похож на них, стараются поймать и уничтожить. – Морщины у губ Мередит сделались глубже.

– Поймать? – округлив глаза, глухо спросила Бэарсэй.

– Уничтожить? – выдохнул Ареллаган.

Они никогда раньше не думали, что кому-то захочется их поймать – а того более – уничтожить. Они вообще не считали себя нужными любому живому существу в этом мире, исключая родителей.

Принцесса Мередит сурово кивнула, её губы сжались плотнее.

– Они ненавидят все другие разумные расы. Не думайте, что вы неуязвимы – даже у вас есть слабости, и людям все эти слабости известны. Люди будут стрелять в вас серебряными стрелами, ловить вас серебряными сетями, и всё для того, чтобы потом похвалиться друг перед другом своей ловкостью и королевской наградой.

– Почему именно серебряными, госпожа матушка? – тихо поинтересовалась Бэарсэй.

– Потому что серебро для вас – это яд, – горько ответила она. – Не верите – можете прикоснуться к этому, – и её пальцы подцепили тяжёлый блестящий медальон на длинной серебряной цепочке, спускавшийся с прорезанной морщинами шеи.

Ареллаган и Бэарсэй встревоженно переглянулись, но любопытство пересилило страх. С разных сторон окружив медальон, они почти одновременно вытянули руки и коснулись изящной лёгкой цепочки. Мгновение спустя пещеру потряс дикий вопль Бэарсэй. Потрясаемая дымящимися пальцами, она отскочила от матери, рухнула на пол и бешено завертелась по кругу, трясясь. Ни на минуту она не прекращала вопить.

– Жжётся! Ай, как жжётся! Что... это за пакость? Госпожа матушка, госпожа матушка! Сделайте что-нибудь, у меня рука сейчас сгорит! Мама!! Помогите!!

Ареллаган тоже тихо скулил от боли. Прижимая к лицу раненую руку, он с ужасом глядел, как от кончиков его пальцев ввысь поднимается дымный столб. Принцесса Мередит утомлённо вздохнула и, опустившись на корточки рядом с непрерывно визжащей Бэарсэй, осторожно коснулась её лба.

– Всё хорошо. Это только небольшая язва, она заживёт к вечеру.

Бэарсэй уже не визжала, а тихо вздыхала, прикусывая губы и закатывая глаза. Мередит убрала ладонь с её лба и обернулась к Ареллагану – тот прижимал пылающую от боли руку к холодной стене пещеры, гневно изучая гнойные язвы на кончиках своих пальцев.

– Подойди ближе, – велела Мередит и прохладными целительными пальцами ухватила его за запястье. – Стой спокойно...

Бэарсэй, раскрыв рот, под различными углами изучала свою руку. Ни следа язв не осталось на её коже. Ареллаган же потрясённо глядел, как стремительно затягиваются крохотные ранки, покрытые жёлтым налётом: никогда прежде ему не доводилось видеть подобного. Боль вскоре исчезла – и его разум прояснился.

– Это была всего лишь одна крохотная вещица из серебра, – горестно заключила Мередит. – А теперь представьте, в каких муках умирали духи, пронзённые тысячами серебряных копий и стрел.

Бэарсэй поёжилась, Ареллаган опасливо отполз от матери дальше. Свисавший с её шеи медальон отливало угрозой светом, в бликах которого ему виделись сотни несчастных, погибающих от людских жадных рук.

– Реальный мир наполнен опасностями, – продолжала Мередит, – стоит людям узнать, кто вы – и вы никогда не сможете больше спать спокойно. Ради вашего же блага вам лучше никогда не покидать эти земли.

– Но... но почему тогда вы с господином отцом никогда не пускаете нас к духам? – осторожно спросил Ареллаган. – Почему не даёте нам ни с кем видеться?

Улыбка Мередит казалась печальным, старым и усталым отзвуком той улыбки, какой она улыбалась раньше.

– Так нужно, Ареллаган, – неясно ответила она, – я не могу сказать тебе больше.

* * *

Ночь была звёздной и тихой. Верховный Совет, обеспокоенный людским продвижением на восток, разошёлся только на закате. Никакое решение так и не удалось принять, но, казалось, что Великий Дух готов приказать всем откочёвывать глубже в дикие края, где крайне редко ступает нога человека. Принцесса Мередит и Великий Дух долго совещались о чём-то – а затем наступила умиротворённая тишина. Когда на окружающий мир медленно и прочно опустилось одеяло мглы, у порога пещеры появилась одинокая хрупкая фигурка, слабо очерченная тенями.

– Бэарсэй! – прошептал дэ Сэдрихабу, воровато оглядевшись. – Бэарсэй, сюда!

Пригибаясь к земле, Бэарсэй выползла из темноты и подскочила к нему ближе.

– Ты уверен? – шёпотом спросила она. – Если родители узнают, нам несдобровать.

– Но ты же хочешь посмотреть на мир, правда? – возбуждённо пробормотал Ареллаган, недовольно на неё косясь. – Уже некуда отступить!

– Ну хорошо, хорошо, – Бэарсэй снова в ужасе оглянулась за спину, – но почему именно сегодня?

– Скорее всего, завтра мы перекочуем дальше. В эту ночь молодые духи не знают покоя.

Бэарсэй ещё раз проверила, всё ли спокойно у неё за плечом. Ни одна тень не шевелилась во мраке пещеры, слабо освещённой несколькими факелами.

– Ну... тогда вперёд, – решительно выдохнула она, и оба выскочили на вольный воздух в единовременном долгом прыжке.

Несколько десятков метров остались позади них. Бэарсэй испустила радостный вопль и упала лицом в песок; обеими руками она гребла вокруг себя, как сумасшедшая сверкала глазами и прыгала, высоко отрываясь от бесплодной скучной земли. Дэ Сэдрихабу восторженно щёлкал ногтём какую-то травинку, еле пробившуюся меж двух плотно прижавшихся друг к другу камней. В этой травинке, как ему казалось, заключался сейчас весь мир. Впервые в жизни он дышал чистым воздухом, не замутнённым магическими парами и затхлостью пещеры... Он чувствовал в себе такую силу и самоуверенность, что ему не составило бы труда промчаться вокруг света дважды, неистово крича и подпрыгивая. Ему даже не верилось, что он действительно вырвался на свободу, и никто не накажет его за это, никто не отнимет у него счастья чувствовать себя одним целым с природой, давшей жизнь ему и всему, что его окружало. С небольшого пригорка он мог видеть настоящее небо, бесконечно уползавшее вдаль, сухие и бедные на растительность земли жёлтого цвета, громадные валуны, лениво привалившиеся к бокам друг друга... Но что было там – за линией горизонта, где жили люди? Дэ Сэдрихабу поднялся на ноги и отчаянно напряг взор – но ему ничего не удалось разглядеть, кроме двух лучистых звёзд, зачем-то мерно подмигивающих ему серебристым светом. Очевидно, дикое людское племя обитало намного дальше, чем он себе представлял по книгам и рассказам матери.

Жалкую травинку, тянущуюся к свету и теплу меж двух камней, заслонила густая чернильная тень. Дэ Сэдрихабу с опаской вскинул голову – и столкнулся взглядом с молодым человеком лет семнадцати, склонившимся к нему с отстранённым любопытством на лице. Раскосые оранжевые глаза молодого человека вдруг весело зажглись.

– Надо же, – рассмеялся юноша, выпрямляясь, – дети Великого Духа наконец показали нам. Дорогие друзья мои, возвращайтесь в свою пещеру, не то достанется нам троим сразу.

– Кто ты такой? – заносчиво поинтересовался дэ Сэдрихабу, вздёргивая подбородок.

– Меня зовут Керенай, – лениво представился молодой человек, – могущество по категории Штрейнса: 9—4, коэффициент опасности по Клургу – 10—9¹. В общем, со мной лучше не связываться.

¹ Штрейнс, Теодор Леон (2030 – 2065 гг.), прославленный и заслуженный исследователь паранормальных явлений. Родился и большую часть жизни провёл в Авалории, ведя полуголодную жизнь и издавая томики мало кому нужных клас-

– Что?.. – пробормотал дэ Сэдрихабу. – О чём ты говоришь?

– Говорю я о том, мой бестолковый юный друг, – закатывая глаза, отвечал Керенай, – что ты немало рискуешь, раздражая меня своим присутствием. Будь так добр, забери свою сестру и удались назад в пещеру, пока не вышло худого.

– Почему это я должен тебе повиноваться? – возмутился дэ Сэдрихабу. – Я – наследник Великого Духа! Эти земли не принадлежат тебе, я могу ходить по ним так, как мне вздумается!

Керенай выразительно закатил светящиеся оранжевые глаза и отбросил со лба неаккуратно свисающую прядь светлых волос.

– Эти земли никому не принадлежат, конечно, – иронично заметил он, – но Великий Дух имеет на них определённое право. И Великий Дух на сегодняшнем собрании высказывался вполне определённо: ни тебя, ни твоей сестры (Бэарсэй всё ещё вертелась на песке, восторженно подбрасывая его горстями в воздух) тут быть не должно.

– Ты лжёшь! – рыкнул дэ Сэдрихабу. – Посторонись передо мной! Я имею право...

– Дружок, ты меня немало утомил, – театрално зевнул Керенай, прикладывая ладонь ко лбу и принимая вид жертвы, истерзанной головной болью. – Пойми же, что полукровкам не следует находиться в числе истинных духов.

– Да, я наследник авалорийского трона! – гордо фыркнул дэ Сэдрихабу, – и я горжусь своим происхождением!

Глаза Керенай вдруг широко распахнулись. В течение долгого мгновения он поражённо смотрел на дэ Сэдрихабу со смесью удивления и насмешки. Видимо, его самого поразила дробный смех, неожиданно сотрясший всё его существо. Дэ Сэдрихабу оскорблённо взирал на Керенай снизу вверх.

– Ты... гордишься тем, что ты полукровка? – воскликнул Керенай и снова зашёлся в приступе хохота. – Видимо, ты знаешь ещё меньше, чем я предполагал!

– Говори начистоту! Не смей увиливать! – рявкнул озлобленный дэ Сэдрихабу, и Керенай, с усилием натянув на лицо спокойное выражение, кое-как пояснил с редкими смешками:

– Неужели ты, мой дорогой друг, понятия не имеешь, что высшая раса в Ином мире – это мы, духи? Настоящему духу подвластно всё, он фактически бессмертен... Люди – это раса, гордиться принадлежностью к которой может только круглый идиот. Люди жадны, тупы, упрямы – практически в той же степени, что и ты; они ненавидят нас и вообще всё, что отличается от них... Их жизнь хрупка и недолговечна. Быть человеком – худшее наказание на свете.

– Я и не человек! – огрызнулся дэ Сэдрихабу.

– Правильно, – покровительственно улыбаясь, подтвердил Керенай, – ты не то и не другое, и это твоя самая главная проблема. Ты никогда не найдёшь себе приюта ни у одной расы... мне тебя жаль, дружок.

Дэ Сэдрихабу возвёл на Керенай взгляд, полный бессильной ярости. Он не мог придумать, чем ответить на это, ведь все слова Керенай находили подтверждение в его собственной

сификаций демонов по самым разным признакам. В 2050 году он предпринял путешествие по землям соседних государств: Хевилона, Мармудая и других, после десятилетних странствий вернулся домой и издал ширококомасштабную энциклопедию, в которой приводилось наиболее точное и понятное деление демонов на категории. В этой же энциклопедии под названием «Бесплотные духи» приводилась так называемая шкала Силы, впоследствии переименованная в честь своего создателя. Шкала имела 10 различных ступеней; каждая ступень делилась ещё на 10 единиц. 1 ступень, 1 единица – наиболее слабые духи, безвредные призраки, 2—1 – это уже мороки, 3—1 – низшие демоны, 5—1 – демоны средние, и так далее. К сожалению, классифицируемые Штрейнсом создания настолько на него обиделись, что в один прекрасный день явились к нему поздней ночью и порвали на части. То, что осталось от отважного исследователя, сложили в урну и захоронили вблизи королевского мавзолея в дань уважения к его заслугам. Клург, Михаил Александр (2038 – 2095) – выдающийся демонолог, написал такие фундаментальные труды, как «Распознаём сущность», «Принципы ведения борьбы с различными родами отверженных», «Подробная классификация могущества духов». В отличие от Штрейнса, был богатым дворянином и потому мог беспрепятственно заниматься научными исследованиями. *Коэффициент Клурга* — созданный в 2070 году принцип классификации демонов по степени их опасности. Всего у коэффициента 12 степеней и 10 вспомогательных единиц. 1—1 по Клургу – наименее опасный, 12—10 – демон сокрушительной мощи, которые в последнее время предпочитают таиться в тени (П.– П.).

жизни. Его держали взаперти потому, что ему изначально не было суждено стать ни человеком, ни духом... Дэ Сэдрихабу злобно воззрился на линию горизонта.

– Я тебе не верю! – рыкнул он и с ужасающей силой оттолкнул Кереная от себя.

Керенай, явно не ожидавший столь подлого нападения, отлетел на несколько метров в сторону и откатился назад по сухому песку. Дэ Сэдрихабу стремительно разогнался, вспрыгнул высоко в воздух – и чуждые ему земли духов пронесли над ним тёмной тенью. Дэ Сэдрихабу приземлился далеко от пригорка, посреди пустынных иссушенных равнин, над которыми поднимался серебристый месяц и лучистые бесстрастные звёзды. Не оглядываясь на поверженного Кереная, он бросился бежать с такой скоростью, с какой только мог, и ветер грозно завыл в его ушах. Он сам не понимал, зачем мчится к людям, о которых слышал столько страшных историй; но ему необходимо было самому узнать, что эти истории – правда. Ему хотелось быть принятым хоть где-нибудь... Его совершенно не удивило, что Бэарсэй, вывалив язык, как усталая гончая, мчится рядом. Она пояснила, на бегу отбрасывая прилипающую ко лбу длинную блестящую прядь чёрных волос:

– Сбежала от этого зануды. Правда, пора бы уже и посмотреть мир!

Над Дэ Сэдрихабу и Бэарсэй простиралось вольное небо, не принадлежащее никому – в том числе и Верховному Совету духов. Никого они не встречали на пути; от них прятались даже редкие ночные зверьки и птицы. *«Почему?»* – мимолётно подумал Дэ Сэдрихабу, но этот вопрос не задержался в его сознании. Он нёсся на неуправляемой скорости, и бегущая рядом Бэарсэй радостно выкрикивала какие-то неразборчивые фразы на языке духов. Даже холодные и равнодушные звёзды подмигивали им веселее, как будто одобряя их смелый побег.

– Свобода! – закричал Дэ Сэдрихабу звёздам в мерцающие серебряные тела.

Одна из Трёх звёзд, цепляющихся лучами за край горизонта, ласково помахала ему, и из глубины её светящихся газовых одежд посыпались крохотные белые искры.

– Что это такое? – встревоженно поинтересовалась Бэарсэй, тормозя. – Разве звёзды так умеют?

– Они умеют, наверное, – пробормотал Ареллаган без особенной уверенности, с усилием приостанавливаясь тоже. – Может, это что-то вроде... благословения?

– Нет, это не благословение, – испуганно пробормотала Бэарсэй. – Это... это что-то совсем другое...

Что именно это было, Ареллаган понял мгновением позже. Сыплющиеся из тела звезды искры, приближаясь к земле, не таяли, а увеличивались, как будто выпуская в стороны крылья. Зрелище было завораживающим и... пугающим. Они нигде не видели подобного и не слышали, что такое бывает. Это была... ловушка. Дэ Сэдрихабу, извернувшись, бросился в сторону – и огромная искра, падавшая на него, обернулась паутиным коконом. Обезумев, он метался по песку, то прижимаясь к нему, то взмывая в воздух. Где-то позади него стонала и визжала от страха Бэарсэй: сжатая коконом, она тщетно рвала его ногтями и зубами.

– Помоги! Помоги мне! – глухо стонала она.

«Надо перевоплощаться... надо бежать отсюда...» – испуганно подумал Дэ Сэдрихабу.

Искры рвались и опускались повсюду. В их молочно-белом свете он метался, путая собственные следы, неуклюже вязнул в песку и с усилиями поднимался снова. Силы его убывали, как у слабого человечка... Наконец, он, полностью обессилив, споткнулся о сухой корень погибшего деревца и лицом вниз повалился ниц. Он не мог перевоплотиться, он даже перевернуться не мог. Так он и встретил ласковое прикосновение крепкого кокона – уткнувшись носом в жаркий песок и хрипло дыша, как загнанный зверь.

Над его головой зазвучал знакомый голос, глухо искажённый плотными стенками кокона.

– Я и не думал, что вы сумеете убежать так далеко.

Дэ Сэдрихабу с усилием перевернулся на спину. Над ним, причудливо расплываясь в серебристых бликах кокона, склонилось лицо Кереная. За спиной у Кереная изящная чёрная пантера зубами осторожно вздёргивала с земли пленённую Бэарсэй.

– Пойми, дурачок, – вздохнул Кереный, – мы желаем вам только добра.

* * *

Кереный и его спутница, вскоре из пантеры превратившаяся в широкоплечую девушку с обветренным квадратным лицом, доставили связанных какой-то очень сильной магией близнецов назад в пещеру. То, что произошло позже, Ареллаган запомнил очень хорошо – не в последнюю очередь благодаря тому, что он был яростно отруган так, как его никогда ещё не ругали прежде. Бэарсэй досталось меньше: родители сочли её всего лишь пособницей в бегстве, кем она, собственно, и являлась. Великий Дух был столь зол, что подвесил обоих своих детей вниз головами на шесть часов. Если бы они не были людьми лишь наполовину, они умерли бы от столь жестокой пытки (впрочем, Ареллагану даже показалось, что в момент подвешивания Великий Дух рад бы был и вовсе не иметь детей). Принцесса Мередит стояла рядом и равнодушно смотрела, как муж мучает близнецов; на её состарившемся лице не было заметно ни тени сострадания.

– Вы опозорили себя и меня! – гневно восклицал Великий Дух, неистово вращая глазами. – И как вы можете объяснить то, что произошло?

– Я хотел свободы! Я девятнадцать лет провёл взаперти, с меня довольно! – закричал Ареллаган, нелепо болтаясь вниз головой из стороны в сторону. – Вы всё время нам лгали! Теперь мне ясно... вы стыдитесь нас! Стыдитесь того, что мы полукровки!

– Замолчи! – зарычал Великий Дух, и на миг его глаза провалились в череп, зажёгшись адским бордовым пламенем. – Ты не можешь выходить в мир, потому что ты – чуждый ему элемент! Твоя природа неестественна, и если тебя выпустить на волю, одной Магии известно, что тогда произойдёт!

Ареллаган злобно прикусил губу.

– Моя природа... неестественна... – повторил он, отчаянно моргая. – Я – чуждый миру элемент... да зачем вы вообще тогда дали нам жизнь?!

Великий Дух вскинул голову, и в каменном лице Мередит что-то дрогнуло – впрочем, только на мгновение.

– Об этом не тебе рассуждать... – вздохнул Великий Дух, наконец. – Я отпущу вас обоих, но запомни, что тебе на самом деле нельзя покидать эту пещеру без меня или матери. Не мир опасен для тебя – ты опасен для этого мира.

– Я – опасен? – удивлённо повторил Ареллаган.

Висящая рядом Бэарсэй, отплёвываясь от собственных волос, выразительно повела глазами из стороны в сторону и усмехнулась.

– Ну а разве ты ещё не понял? Ты заставил попотеть этого зануду... естественно, что теперь нас клеймят преступниками.

Кереный и его спутница Аинда тоже были тут. Застыв за плечом у Принцессы Мередит, они с таким же бесстрастным равнодушием наблюдали за наказанием. Между прочим, и им не удалось избежать гнева Великого Духа. На щеке у Кереная расплзался в стороны, как огромный кратер, ярко-красный ожог, у Аинды отсутствовала левая рука вплоть до ключицы. Тем не менее, ни один из них не показывал своей боли, и потому Ареллаган тоже изготовился терпеть.

Когда отец всё же смилостивился над ними и снял заклятие, у обоих давно успела пропасть тяга к приключениям. Измученные и усталые, Ареллаган и Бэарсэй потащились в свою комнату, которую они с самого рождения делили на двоих. Половина Ареллагана, содержащаяся в безукоризненном порядке, была заполнена магическими трудами матери, картами, свитками чистого пергамента и чернильницами; на половине Бэарсэй, пребывавшей в перво-

бытном хаосе, вразнобой валялись полусгнившие тушки мелких животных и черепа со слезающей с них тонкой сухой кожей: на этом Бэарсэй училась заклятиям, отторгающим плоть (пока не слишком успешно).

– Я опасен для мира... – повторил Ареллаган глухим злобным голосом. – Моя природа неестественна... да кому какая разница, кто я?! Если я есть на этом свете, почему мне нельзя даже шагу на волю ступить?

Бэарсэй скосила на него усталый глаз и удобнее разлеглась на кровати.

– Разве это столь важно? По-моему, хорошо, что мы там провисели всего шесть часов, а не целый день.

– А Керенай и Аинда все эти шесть часов смеялись над нами, – оскорблённо потянув носом прохладный липкий воздух, добавил Ареллаган. – Я видел, как у них дрожали губы...

– Может, им просто было больно, – отмахнулась Бэарсэй, – их тоже здорово разукрасили; хоть это утешает, – и она широко зевнула, потягиваясь.

Несколько мгновений они лежали неподвижно каждый на своей постели, озадаченно изучая низкий сырой потолок над собой и плавая в водовороте собственных мыслей. Вдруг тишину нарушил странный вопрос Бэарсэй:

– Слушай, Ареллаган...

– Да? – безрадостно откликнулся тот, поморщившись от звука собственного имени.

– Ты никогда себя не спрашивал, почему нам не удаётся уснуть, даже если очень хочется? Я вообще не помню, чтобы ты когда-нибудь спал, или я... Точно так же с едой. Даже духи вокруг что-то едят, а мы – нет... должна быть какая-то причина, посмотри в своих книжках: вдруг...

Ареллаган отвернулся от сестры и уткнулся носом в холодную стену. Сам факт того, что Бэарсэй заинтересовалась хоть чем-то, помимо себя, был удивителен, но не настолько, чтобы выдернуть его из апатии. Он равнодушно ответил:

– Спроси у кого-нибудь другого.

– Они скажут, это потому, что у нас природа неестественная, – смешно копируя Великого Духа, отозвалась Бэарсэй.

– Ну вот и я скажу то же самое, – огрызнулся Ареллаган, – ведь это правда.

* * *

Четыре месяца прошли в молчаливой изоляции от общества. Ни мать, ни отец не разговаривали с ними и наказывали, если они пытались поговорить друг с другом. Именно в это время Ареллаган, доведённый одиночеством до отчаяния, научился вторгаться в чужие мысли и научил этому же Бэарсэй. Великому Демону и Мередит, конечно, было невдомёк, отчего их беспокойные дети присмирели. Ареллаган и Бэарсэй были сочтены успокоившимися и наказанными в достаточной мере, а потому на исходе четвёртого месяца мать пришла к ним в комнату и с порога объявила:

– Ареллаган, я за тобой.

– Да, госпожа матушка? – покорно спросил Ареллаган, прыгивая с постели.

– Ты уезжаешь из пещеры. – Мередит повела вокруг себя глазами и, будто бы только что заметив Бэарсэй, из рук которой от изумления вывалился наполовину истлевший череп, добавила: – Возможно, Бэарсэй придётся взять с собой.

– Зачем? – тут же осведомилась Бэарсэй, заработав от матери испепеляющий взгляд.

– Не смей перебивать меня, пока я не закончила! – в голосе Мередит зазвучали посторонние нотки, чем-то похожие на демоническое шипение.

Бэарсэй опустила голову и с видимым усилием приняла столь умное и спокойное выражение лица, сколь это вообще было для неё возможно.

– Я поняла, госпожа матушка. Прошу прощения, такого больше не повторится.

– Приму это к сведению, – холодно ответила Мередит и снова повернулась к Ареллагану, словно намеренно игнорируя Бэарсэй. – Ты, Ареллаган, отправляешься в Столицу. Мы с тобой должны навестить наших родственников. Вполне возможно, что, если всё пойдёт в соответствии с моими планами, ты сядешь на трон Империи и уже утомнишься, наконец.

«*Бинго!* – бешено заорал в голове Ареллагана радостный голос Бэарсэй. – *Ты хоть понимаешь, дурачок, куда мы едем?!*»

«*Пока что матушка высказалась определённо только обо мне*», – осадил её Ареллаган, однако всё внутри него уже выжидающе напряглось и застыло.

«*Это пока что*», – отпарировала Бэарсэй звенящим от счастья голоском и мгновенно исчезла из его мыслей: вероятно, она испугалась слишком пристального взгляда матери, нависшей над ними.

– Ты не рад? – строго спросила она. – Быть может, желаешь остаться в пещере?

– Ни за что! – хором воскликнули Ареллаган и Бэарсэй.

Взгляд Мередит сделался ещё холоднее, когда она опять повернулась к дочери.

– Напоминаю: о тебе пока не шло речи, – процедила она сквозь зубы. – Если ты и впредь продолжишь вмешиваться, останешься здесь.

На этот раз лицо Бэарсэй выражало искренний ужас и искреннее же желание исправиться как можно скорее.

– Прошу, госпожа матушка, – несмело вступился за сестру Ареллаган, – прошу Вас взять Бэарсэй с нами... Я сумею за ней присмотреть, обещаю!

Бэарсэй старательно принялась кивать головой, отчего её длинные распушённые волосы весело запрыгали, ударяя её по спине. Мередит хитро улыбнулась.

– Ты говоришь, что обещаешь присмотреть за ней, но кто будет присматривать за *тобой*, Ареллаган?

– Вы, госпожа матушка, – не моргнув глазом, отвечал он. – Клянусь, мы оправдаем Ваши ожидания!

– Мы будем делать всё, что Вы захотите! – снова не вовремя влезла Бэарсэй. – Пожалуйста...

Мередит глубоко вздохнула и на миг прикрыла глаза, покрытые густой сетью фиолетовых капилляров, столь явственно проступавших под стареющей выжженной кожей.

– Хорошо, – сказала она весело и решительно, – я заберу вас обоих, однако вы обязуетесь в течение всего нашего визита вести себя как люди! Никто не должен знать, кто вы на самом деле.

– Обещаем! – выкрикнули они.

– Визит может затянуться, – предупредила их мать, – возможно, нам придётся пробыть в Столице несколько лет. И вы готовы хранить свою тайну и выполнять любые мои приказы без возражений?

– Готовы!

– Что ж, – хмыкнула она, – тогда собирайте всё самое необходимое и выходите из пещеры. Туча вашего отца за несколько часов доставит нас в Столицу.

– Разве Вы умеете ей управлять, госпожа матушка? – несдержанно поинтересовался Ареллаган.

Мередит загадочно усмехнулась:

– Я ещё много всего умею, Ареллаган. Но скорее собирайтесь: погода портится, а мы не сможем лететь в бурю.

* * *

Мередит словно нарочно вела тучу в гуще облаков, оттого даже острому зрению Ареллагана и Бэарсэй не удалось разглядеть, что происходит внизу. Воздух делался прохладнее и суше: они приближались к центральной части Империи, где и располагалась конечная точка

их путешествия – Столица. Бэарсэй вскоре наскучила царящая на туче тишина, и она попыталась уснуть, свернувшись клубком, но, как и следовало ожидать, у неё этого не вышло. Мередит, сжав губы и уперев глаза в одну точку, сидела, не двигаясь, и только изредка проводила руками в стороны, отчего туча покорно совершала разворот, снижалась или, наоборот, зарывалась ещё выше в перистое небо. Ареллагану было бы очень интересно узнать, о чём она сейчас думает, но проникнуть в её мысли он не решался: его удерживали страх и уважение к ней.

Постепенно небо покрылось налётом блестящей синевы, облака потемнели изнутри, как будто в их брюха пролилось ведро чернил. Где-то вверху, над их головами, одна за другой, подмигивая, стали загораться звёзды. Ареллаган тотчас отвёл от них взгляд: лукавые улыбки звёзд напоминали ему о недавнем пленении и наказании. Принцесса Мередит впервые за всё время полёта моргнула и заговорила, явно ни к кому конкретно не обращаясь:

– Мы едем к моей младшей сестре, Маргарет. Ныне она считается законной правительницей и очень горда, что может носить на голове корону, – в этих словах Мередит прозвучала щедро сдобренная ядом ненависть, – своих детей она даже объявила наследниками в обход вас.

Ареллаган сжал кулаки; Бэарсэй только флегматично зевнула и перевернулась на другой бок.

– Неважно, что вы об этом думаете, – продолжала Мередит, – но вам придётся быть вежливыми и со своей тёткой, и с её зазнающимся отродьем. Маргарет знает о нашем приезде и о том, кто мы на самом деле. К сожалению, нам придётся пользоваться фальшивыми именами в течение всего нашего визита. Я представляюсь вдовой герцогиней Амарской, иностранкой из Мармудая.

– Но зачем? – тихо спросил Ареллаган. – Ведь права на престол – Ваши, госпожа матушка?

– Я потеряла слишком много времени, – глухо ответила Мередит. – Если я попробую сейчас открыть правду, нас троих разорвут в клочки. Здесь нужно действовать хитростью. Именно поэтому я взяла вас обоих в эту поездку, хотя она может кончиться очень плохо. Сама я занять трон не смогу, но это мне и не нужно. Я намерена устроить твой, Ареллаган, брак с одной из Принцесс либо выдать Бэарсэй за наследного Принца. В этом случае вы станете претендентами на престол, а уж занять его с таких позиций будет легче лёгкого.

– Но остальные Принцы и Принцессы тоже будут в очереди, госпожа матушка, – напомнил Ареллаган, – и, если наши супруги умрут, то наследниками станут они, а не мы.

– Мы позаботимся, чтобы других наследников, кроме вас, у моей сестрицы не оказалось, – с хищным оскалом промолвила Мередит и резко опустила вниз обе руки. Туча стремительно двинулась к земле, прошивая облака.

Бэарсэй со страхом и подозрением косилась то на мать, то на брата. В отличие от них двоих, она восприняла идею с замужеством как нечто противоестественное, навязываемое ей против воли. Ареллагану тоже не слишком понравились далеко идущие планы матери, однако он предпочитал молчать. Он мечтал вырваться из пещеры любым способом, даже если бы ради этого пришлось связать свою судьбу с подлым и слабым земным созданием, злобно торжествующим победу над духами.

Бэарсэй отважилась поднять руку.

– Госпожа матушка! Госпожа матушка, нет ли другого способа? Неужели мне обязательно выходить замуж за Принца?

– Если ты намереваешься послушаться, я сейчас же отправлю тебя назад, – пригрозила Мередит, – и наследником останется только Ареллаган.

– Но... но он же человек, и... и это так противно! – взывала Бэарсэй.

– Бери пример с Ареллагана: он ничуть этим не гнушается.

– Но Ареллаган же... он же вообще бесчувственный! – разъярённо фыркнула Бэарсэй и демонстративно повернулась ко всем спиной. – Он и на жабе женится, если надо будет, а я, я так не могу и не...

– Бэарсэй, – с угрозой произнесла Мередит – и больше возражений не последовало; но не только оттого, что Бэарсэй приструнил строгий тон матери, а оттого, что туча резко рванула вниз, разрежала облака надвое и снова величественно распрямилась, проплывая над огромным белокаменным городом, сиявшим, словно отражение луны в дробящейся водной глади.

С разных концов тучи тотчас свесились две головы. Ареллаган и Бэарсэй, рискуя ежеминутно потерять хрупкое равновесие, с любопытством и восхищением глядели на первый человеческий город, в который им предстояло попасть. Высоко вверх, словно грозясь достать до дна тучи, поднимались острые шпили вытянутых, сжатых с боков зданий, переливались бутылочно-зелёным и жизнерадостным жёлтым стёкла в рамках монументальных домов с резными крылечками... Одну часть города от другой отделяла высокая белая стена, безупречно чистая с одной стороны и замызганная, заплесневелая – с другой. Благополучие и нищета существовали здесь бок о бок: слева от них тянулись жалкие, разваливающиеся хибары с крошечными тусклыми окошками, запруженная оборванным народом грязная улица и невероятное количество потрёпанных, униженного вида полицейских с дубинками, которыми они нещадно колотили по бокам и спинам всякого, кто отчего-то возбуждал в них недоверие. Из раскрытых мусорных контейнеров неслась омерзительная вонь, меж плохо уложенных камней единственной мостовой и по грязным земляным улочкам струились реки помоев... Равнодушные, опустившие головы прохожие чавкали босыми ногами по лужам и бессовестно вытирали грязные руки о застиранное бельё, вывешенное хозяйками из окон многоэтажных домов, приплюснутых к земле. Ареллаган поморщился и невольно схватился за голову: в этом кипящем в смраде, суе и бестолковой усталости муравейнике не оставалось никаких признаков разума; но этот разум, наверное, специально умерщвляли в себ е несчастные жители, чтобы легче было держаться.

– Кто эти существа, госпожа матушка? – осторожно спросил Ареллаган, обращая к Мередит взгляд.

Мередит пожала плечами, и её губа недовольно подалась вверх.

– Это отверженные, – коротко сказала она, – проще говоря, такие, как вы.

– Они тоже полукровки? – с любопытством спросил Ареллаган.

– Нет, – губа Мередит поднялась ещё выше, и её ресницы затрепетали, – это гибриды, ведьмы, оборотни, ищейки – все те, кого нынешнее правительство предпочитает не замечать.

– Тогда кто живёт там, госпожа матушка? – и Бэарсэй указала рукой на слепящие белизной кварталы, по широким чистым улицам которых вальяжно расхаживали дамы в длинных платьях со шлейфами, при солнечных зонтиках, и кавалеры в странных разноцветных нарядах, галантно придерживающие дам под руку.

В этих кварталах суега и столпотворение угасали, продвигаясь к центру, где и возвышалось самое крупное и величественное здание из всех, уступами вздымавшееся к небу – наверняка это был королевский дворец. Огромную территорию, прилегавшую к дворцу, защищали высокий забор и тройная цепь стражников с алебардами через плечо. Прямо напротив крыльца, в нескольких десятках метров от стражников, суетились рабочие с тросами: проворной командой они с усилием заталкивали тяжёлую золотую статую какой-то величественной женщины на широкий круглый пьедестал.

Мередит фыркнула, явно посмеиваясь над простодушием дочери.

– Об этом нетрудно догадаться, – сказала она, – здесь живут только люди. Причём далеко не каждому человеку хватит денег, чтобы выкупить себе самый захудалый домишко за стеной.

Бедняки живут вместе с отверженными, – лёгким кивком Мередит указала себе за плечо, – потому что, по сути дела, в этом мире отвержен всякий, с кого нечего взять.

– Но ведь это несправедливо! – возмутился Ареллаган, отползая от края тучи. – Почему все эти существа не соберутся вместе и не станут требовать того, что им полагается, госпожа матушка?

– Они уже привыкли, – Мередит снова пожала плечами, – и не считают, что мир возможно устроить иначе.

– Тогда об этом нужно сказать Королеве, – Ареллаган сердито нахмурился, – они её подданные, она не смеет унижать их!

– Ты очень красиво и правильно говоришь, но при дворе тебе лучше стоит придержать это мнение, – холодно сказала Мередит, и по щелчку её пальцев туча заложила плавный вираж, – не то мы рискуем быть изгнанными с позором. Маргарет прекрасно знает, что происходит в её собственном городе, но она ничего не собирается исправлять, так как для неё это выгодно. Она богата, её считают справедливой, даже эти бедняки в неё верят и надеются на избавление. На самом деле, конечно, она глуха и слепа к своим беспомощным подданным, так как особой пользы они ей не приносят. Но ей осталось совсем немного жизни. Когда ты, Ареллаган, воссядешь на трон, в твоей власти будет перекраивать местную жизнь по своему вкусу, однако пока ты обязан сдерживать себя – не то лучшие времена для этого сброда никогда не настанут. Ты меня хорошо понял? – в голосе Мередит прозвенела угроза.

– Да, госпожа матушка, – привычно отозвался Ареллаган и затих.

Туча пронеслась вокруг дворца, притираясь всё ближе к его стенам; но никто не заметил их, никто на них не взглянул. Мередит пояснила, улыбаясь:

– Чары невидимости. Я сниму их, когда мы оставим тучу в безопасном месте.

Безопасным местом она сочла тенистый парк позади королевского дворца, внутри которого, кроме шелеста листвы, поскрипывания ветхих сучков и тихого пения птиц, не слышалось ничего более. Стоило же Ареллагану и Бэрсэй, полным изумления, ступить на мягкие волны изумрудной травы под ними, как всё изменилось. Поперхнувшись трелями, замолкли птицы, застыли деревья, и шелест их зазвучал угрожающе и напуганно. Даже ветки потянулись к ним, как будто вознамерившись изгнать из своих пределов. «*Но за что?!*» – с отчаянием спросил самого себя Ареллаган, и природа не ответила ему. Наверное, всё-таки он действительно был чуждым и опасным для неё элементом...

Мередит даже не стала обращать внимания на странно затихший парк и на грустно вытянувшиеся лица близнецов.

– Идёмте, – приказала она стальным голосом, – ваша тётушка должна ждать нас неподалёку.

Понуро опустив головы, Ареллаган и Бэрсэй поплелись следом. Парк остался позади, теперь они шагали по мощёной площадке, совершенно пустой и безлюдной, если не считать одной-единственной женской фигуры, расположившейся у борта старого фонтана. Женщина повернула голову на стук их шагов и с величественной грацией поднялась. На ней не было короны, мантии и прочих атрибутов власти, однако не признать в ней властительницу этой страны было невозможно. Зато куда труднее было подтвердить её родство с Мередит. У Королевы Маргарет волосы оставались тёмными и пышными, без проблеска седины, на лице не заметно ни единой морщины, а глаза были яркими, не помутнёнными бесконечным обстрелом безжалостных солнечных лучей. Маргарет даже не посмотрела на Ареллагана и Бэрсэй и сразу обратилась к сестре срывающимся тонким голосом.

– Значит, ты решила вернуться.

Мередит остановилась в десятке шагов от Маргарет и подняла выше голову, торжествуя улыбаясь.

– Всё-таки тут мой дом и мой престол, который ты столь любезно заняла на время моего отсутствия.

– Я думала, что это отсутствие продлится ещё, – резко сказала Маргарет, уже не составляя себе труда величественно улыбаться.

– Ты ошиблась, – с лица Мередит тоже сползло дружелюбное выражение, в её глазах отразился пугающий лёд. – Я привезла с собой своих детей: кронпринца Ареллагана и Принцессу Бэрсэй.

«Она назвала меня Принцессой! Ты слышал?!» – восторженно завопила Бэрсэй в голове Ареллагана.

«Какая разница: как тебя ни называли бы, ближе к трону ты от этого не сделаешься», – сурово возразил он, хотя и ему согрел душу торжественный титул, каким его наделила мать.

– Я очень рада их видеть, – сказала Маргарет, по-прежнему глядя только на сестру с мрачным упрямством, – но я не хотела бы огорчать детей, против своего желания лишая их титулов, которыми ты их наградила. Кронпринц – мой старший сын, Ольванс, и после него есть ещё пятеро детей, так что...

– А теперь будем откровенны, – ухмыльнулась Мередит и положила руку брезгливо сморщившейся Маргарет на плечо. – Ты хочешь прожить дольше, сестрица?

– Ты угрожаешь мне? – лицо Маргарет приняло надменное выражение. – Знай, что за это полагается смертная казнь. Возможно, ты не успела дойти до этого пункта в своей учёбе.

– Можешь убить меня, – согласилась Мередит с удивительной лёгкостью, – в таком случае я пожелаю тебе попутного ветерка: в Третье измерение мы с тобой прокатимся вместе.

– Твоё проклятие не столь сильно, – Маргарет торжествующе ухмыльнулась.

– Это ты так считаешь, – и Мередит стремительным движением, практически неуловимым для глаз, выхватила из потайных ножен на поясе кинжал и воткнула его себе в живот.

– Госпожа матушка!! – испуганно завизжала Бэрсэй.

Мередит даже не пошатнулась, несмотря на то, что из её раны струилась обильным потоком кровь. Зато Маргарет побледнела и проплелась пару шагов назад, обрушиваясь на скамейку. На её платье, в том же месте, где у Мередит торчал кинжал, расплылось багровое пятно.

Мередит выдернула кинжал из раны и провела над нею чуть подрагивающей окровавленной рукой. Видневшаяся сквозь прореху в ткани рана быстро затянулась, и даже разорванное платье вдруг сделалось целым. Ареллаган с ужасом и недоумением смотрел то на тётку, то на мать. Маргарет тоже совершенно ничего не понимала: дрожащими пальцами она ощупывала то место, откуда совсем недавно лилась кровь, и не могла найти даже малейшего намёка на то, что вообще была кем-то ранена.

– Это обман, иллюзия... – наконец, прохрипела она, – ведь ты ведьма...

– Хочешь попробовать ещё раз? – безжалостно поинтересовалась Мередит, и Маргарет, подскочив на месте, тут же воскликнула:

– Нет, нет, довольно! Ну хорошо, я тебе верю... теперь объясняйся начистоту...

– Изволь, – и Мередит нависла над сестрой, загибая пальцы, хоть пока в том не было особенной надобности. – Моё проклятие сильнее, чем все маги твоей своры, вместе взятые. Ты можешь потратить всю оставшуюся жизнь на то, чтобы его снять – но этого не выйдет. Даже я уже не смогу тебе помочь.

Маргарет облизнула губы и гневно воззрилась на Мередит:

– Так и что же ты предлагаешь?!

– Вы унизили меня и мою семью, – холодно продолжила Мередит, будто бы её ничто не перебивало, – нашей оскорблённой крови нет дела до того, сколько времени вашему жалкому людскому отродью будет угодно называть себя правителями этой страны. Можешь игнорировать нас... но тогда ты умрёшь вместе со мной, и ни один из твоих потомков не будет знать счастья. Я вижу, – глаза Мередит вдруг ушли в череп и безумно загорелись фиолетовым

пламенем, – что вскорости разразится чудовищная война, сметающая всё на своём пути. Следом грянет ещё одна война – от неё содрогнутся сами основы государственности, когда брат пойдёт на брата, а сын восстанет на отца. Авалория не успокоится, пока не успокоимся мы, а это возможно лишь в одном случае: если мы займём трон, с которого нас подло изгнали, оболгав и покрыв позором.

Маргарет смотрела на Мередит упрямо и холодно, по всей видимости, не слишком понимая, что именно от неё сейчас требуют. Пение птиц тревожными трелями раздавалось откуда-то из глубины загадочного парка, на солнце напоззали тёмные кудлатые облака.

– Неважно, – промолвила Маргарет с усилием и попробовала подняться, – что ты видишь, Мередит; я не намерена этого допустить. Если для того, чтобы Авалория успокоилась, мне придётся пожертвовать счастьем своих детей...

– Ты считаешь, что брак с Ареллаганом и Бэарсэй – это жертва? – гневно сверкая глазами, спросила Мередит.

– Ты лишаешь их права выбора, – глухо промолвила Маргарет, – ни одна настоящая мать не хотела бы неволить своих детей.

– Если бы ты была настоящей матерью и заботилась о них, ты сразу уступила бы мне, – процедила Мередит, – и проклятие обрушилось бы только на Чарльза.

– Сейчас это всё неважно! – воскликнула Маргарет, краснея. – Я согласна дать шанс твоим детям, но я не буду давать никаких советов своим, я не стану опаивать их любовной сывороткой и тащить под венец насильно! Если они...

– Это уже запущенный механизм, Марго, – почти ласково промолвила Мередит, улыбаясь, – станешь противиться – женатыми ты своих детишек не увидишь.

– Можешь не угрожать мне, – отрезала Маргарет и поднялась, наконец, со скамьи, отворачиваясь. Холодный резкий ветер взмётывал вверх выбившиеся из аккуратной причёски пряди её волос. Неохотно и глухо, будто пересиливая себя, она проворчала: – Дети сейчас гуляют в Розовом саду. Идёмте, я отведу вас.

* * *

Розовый сад не зря носил именно такое название. Круглый год в нём цвели, невзирая даже на самую лютую стужу, охраняемые сильной магией предыдущих Королей и Королев деревья, с помощью которых коллегия в числе тринадцати магов из разных стран сумела вывести знаменитый куст любви, приобретший свой окончательный облик в Феддлесе. Ареллаган много читал об этом месте: у матери хранилось немало книг, в которых с величайшей точностью описывались дворец, прилегающие к нему уголья и несколько важнейших городских объектов. Только в тех книгах ничего не говорилось об огромной стене, разъединяющей мир богатых и мир бедных... *«Так нельзя, – убеждённо думал Ареллаган, вымеривая шаги следом за матерью, – это неправильно! Чем ведьмы, оборотни, гибриды и ищейки хуже людей? И почему они не верят, что способны получить лучшее?..»*

На разветвляющихся в разные стороны белокаменных дорожках было полно народу. Важные дамы, утянутые в корсеты и тонущие в многочисленных юбках, шагали, едва ли не крепясь книзу от тяжести своей одежды и украшений, под руку друг с другом или с кавалерами, носившими столь пёстрые камзолы, что от них начинало рябить в непривычных глазах. Бэарсэй зажмурилась и поспешно отвела от кавалеров взгляд, уставившись в небо: их, вездесущих и громкоголосых, не было только там. Изредка выглядывая из-за серых тяжёлых туч, солнце одаривало землю снопом блёклых, как будто рассыпающихся, лучей и пряталось снова; ветер крепчал, сдувая с подъездных дорожек листья и взмётывая верхние юбки дам. Чуткий слух Ареллагана страдал от гомона, производимого людьми, ему хотелось бы, чтобы они тоже, как растения и животные кругом, замолчали и посторонились перед ним. Но сторонились они только перед Маргарет, величественно прокладываящей себе дорогу, а уж молчать не собирались даже и перед нею. Многочисленные голоса сливались в один гул, вразнобой твердивший:

– Ваше Величество... Ваше Величество...

Дамы, поспешно подхватываясь на ноги и разлучаясь с кавалерами, приседали в почтительных реверансах, кавалеры низко склоняли головы, прижимая левую руку к сердцу и правой придерживая шпагу. Ареллагану сразу сделалось неуютно здесь: от многочисленных пуговиц камзолов придворных, подошедших ближе всех к Королеве, от их тяжёлых медальонов и украшений холодно веяло враждебным серебром. В голове у Ареллагана сразу же зазвучало предостережение матери, и на мгновение у него даже возникло желание кинуться отсюда прочь... но он сдерживался и крепко сжимал руку взволнованной Бэарсэй, чтобы не позволить ей сделать то же самое. Глаза у Бэарсэй были огромными, полными страха и печали, как у кошки, загнанной злыми собаками в угол. Ареллаган тревожно поглядывал на придворных: чуть склонив друг к другу головы, они обмеривали его оценивающими взглядами, будто портные, и бормотали чуть слышно и едва разборчиво:

– Кто это?

– Её Величество говорила, будто бы это сын вдовой герцогини Амарской, близкой подруги Её Величества...

– Значит, это и есть сама герцогиня? – шёпотом вмешалась в разговор кавалеров одна миниатюрная женщина, опутанная серебряными подвесками, будто ловчими сетями паука.

– Видимо, да... – отвечали ей в унисон двое длинных, похожих на бледных комаров, придворных, провожая Мередит взглядами.

В отличие от своих детей, Мередит уверенно и твёрдо держалась в многоглазой и стойкой толпе. Она решительно и гордо несла голову, даже не удостоивая краем взора настороженно и любопытствующе изучающих её придворных. Хоть годы иссушили и изменили её, она, в простом дорожном платье, смотрелась куда величественнее и внушительнее, нежели пышно разряженная, с застывшим кукольным лицом, Маргарет, указывавшая им дорогу.

По мере их продвижения вперёд сжималась и усыхала толпа праздных придворных. У ворот Розового сада стояли всего три пожилые женщины в монашеских покрывалах, почтительно опустившие голову перед Её Величеством и нисколько не удивившиеся появлению Мередит и её детей.

– Сёстры, – промолвила Маргарет, остановившись и быстро поведя в стороны тёмными глазами, – тут ли наследный Принц Ольванс и Принцесса Саллива?

– Здесь, Ваше Величество, – глухим из-за покрывала голосом отвечала первая монахиня.

– Его Высочество объезжает подаренного ему коня под присмотром Его Величества, – продолжала вторая, – а Её Высочество с братьями и сёстрами играют неподалёку.

– Не было ли у них кашля? – тревожно выспрашивала Маргарет. – Не жаловались ли они на головную боль?

Мередит еле заметно злорадно усмехнулась и почему-то потёрла руки.

– Нет, Ваше Величество, – сказала третья монахиня, – как Вы можете видеть, дети вполне здоровы и счастливы.

Маргарет с мгновение помялась, тревожным недоверчивым взглядом стрельнула на сестру и племянников, а затем громадным шагом вступила за ворота.

– Тогда пойдёмте, – понизившимся голосом промолвила она, – я познакомлю вас. Спасибо за труды ваши, – безразлично бросила она после пары секунд молчания, когда три монахини остались позади них.

– Благодарим, Ваше Величество, – хором ответили они, поворачиваясь к Маргарет, хотя Маргарет и не думала смотреть на них.

Деревья обеспокоенно зашелестели; грозовой ветер сильнее затрепал подола платьев Бэарсэй, Мередит и Маргарет, поднял дыбом и спутал волосы. В лицо им летели крошечные пылинки, противно щекотавшие глаза и ноздри. А в нескольких метрах от них, весело крича,

прыгал высокий для своих лет мальчик, пытавшийся за узду развернуть к себе своего пони. Удобно устроившийся на скамейке рядом мужчина краем серого глаза наблюдал за ним.

– Смотрите, у меня получается! – кричал мальчик, отбрасывая со лба спутавшиеся тёмные волосы. – Я уже почти... – и он упорнее потянул на себя узду.

– Да ничего у тебя не выйдет, Ольванс! – весело кричали ему дети, сидевшие: кто на траве, кто на скамейках, кто на узловатых ветвях осыпанных розовыми лепестками деревьев – недалеко от него. – Он тебя не слушается!

– А я сказал... что послушается, Лесли! – протестующе воскликнул Ольванс и рванул узду с ещё большим усердием. Но пони не двинулся с места, и Ольванс тяжело повалился в траву под крики и хохот своих братьев и сестёр.

«Добро пожаловать, – угрюмо проворчала Бэарсэй в голове Ареллагана, – вот он, Принц Ольванс – мой названный жених. Тебе не кажется, что он какой-то... мелкий?..»

«Сейчас вас никто и не собирает обрывать, – отрезал Ареллаган, – в пару лет он станет старше нас, а потом и вообще умрёт, ты даже моргнуть не успеешь».

«А вот эта девчонка – Саллива, – продолжала Бэарсэй, постреливая взглядом в светловолосую Принцессу, быстро колотившую каблуками туфель о ствол дерева от смеха. – Она вообще никаких шансов на трон не имеет! – и в голосе Бэарсэй прозвучало плохо скрываемое злорадство. – Вот уж не повезло...»

«Госпожа матушка говорила, что она постарается устранить всех прочих наследников», – в тон ей отвечал Ареллаган. Но, глядя на этих детей, он не мог себе представить, что именно с ними ему предстоит биться за свой трон, что для него они – враги и он должен расправиться с ними сам, если это придётся. У этих детей было всё... вряд ли их считали отверженными, не нужными никому, даже самой природе.

– Льюис! – воскликнула Королева Маргарет, подойдя ближе. Высокий мужчина быстро поднялся со скамейки, его скользкий взгляд коснулся Мередит, Ареллагана и Бэарсэй. – Льюис, я как раз хотела представить тебе герцогиню Амарскую из Мармудая и её детей. Я посчитала нужным пригласить герцогиню во дворец, так как именно здесь, в Империи, её родина.

– Рад видеть Вас, Ваше Сиятельство, – церемонно ответил Льюис безо всяких интонаций в голосе. – Я счастлив познакомиться с Вами и с Вашими детьми...

Бэарсэй неловко пожала протянутую ей руку Короля, Ареллаган упёрся в неё гневным взглядом, однако тоже из правил приличия встряхнул ладонь, показавшуюся ему преступно мягкой, слабой и тёплой. Льюис мимолётно поморщился: очевидно, его изнеженную кожу поразил холод, исходящий от его гостей.

– Я надеюсь, – с натянутой улыбкой говорила Маргарет, – что ты примешь герцогиню и её детей как своих родственников...

Мередит снова ухмыльнулась уголком рта, недобро сверкая глазами.

– Дорогие мои, – Маргарет склонилась над Ареллаганом и Бэарсэй, улыбаясь, – ступайте, поиграйте, а взрослые поговорят о своих делах...

Не слишком стесняясь присутствия Короля, Ареллаган прошипел Маргарет на ухо:

– Не думайте, что мы настолько глупы, чтобы не понять, о чём вы говорите...

– Демоны считают себя намного умнее людей, – холодно сказала Маргарет тоже шёпотом, – но в некоторые дела тебе лучше не мешаться, хотя ты и наполовину дух.

– Во мне нет ничего человеческого! – огрызнулся Ареллаган.

– Это тоже видно, – прошелестела Маргарет и опять распустила на лице счастливую улыбку. – Ну, давай, дорогуша, иди, – её голос зазвучал нежно и музыкально, – не нужно стесняться. Хотя мои дети и наследники трона, они всё же не зазнайки. Тебе будет с ними интересно... иди, друг мой...

Развернувшись, Ареллаган зло потопал к королевским детям, уже сбившимся в заинтересованную стайку вокруг Бэарсэй. Бэарсэй с величайшим усилием строила рожицы, пела песни на мармудайском и всячески смешила ребят, хотя самой ей ничуть не хотелось смеяться. Подошедшего Ареллагана она представила просто:

– Ареллаган, мой младший брат. Очень умный.

– А о чём ты разговаривал с матушкой? – поинтересовался старший Принц, отбросив поводья пони в сторону. – Кажется, о чём-то серьёзном; у вас были такие лица...

– Она спрашивала, нравится ли мне в Столице, – легко солгал Ареллаган, – и я ответил, что очень.

– Теперь вы всегда и везде будете с нами, – вмешался другой Принц, Фриэль, следующий в очереди на трон. – Вы же тут никого не знаете?

– Нет, никого, – погрустнев, промолвила Бэарсэй.

– Так это же замечательно! – и Принцесса Лесли, размахивая слишком длинными руками, придвинулась ближе. – У других герцогов и герцогинь дети знают ещё много других ребят, и к нам они заваливаются целой толпой.

– А нам это совсем не нравится, – мрачно прибавил Принц Джолли, болезненного вида мальчик с запавшими глазами. – Они постоянно ведут себя так, будто кланяются нашей матушке.

– И ещё будет очень весело всему вас учить, – подмигнула им Принцесса Саллива: она была самой крошечной из всех детей и казалась намного меньше остальных, хотя их разделяло не больше года в возрасте. – Вы же впервые в Столице?

– Честно говоря, мы и в Империи впервые, – осторожно заметил Ареллаган, – всю свою жизнь мы прожили в Мармуде, пока отец наш не умер.

– А... как это случилось? – осторожно поинтересовался Принц Нёрст, весь в веснушках, совершенно не похожий ни на Маргарет, ни на Льюиса, ни на кого-либо из своих братьев и сестёр.

– Простудился на охоте, – скупо ответил Ареллаган и опять устремился взглядом к старшим.

Мерedit, Маргарет и Льюис, устроившись на каменной скамье чуть в стороне и сблизив головы, о чём-то договаривались, но Ареллагану не удавалось разобрать ни одного слова из их беседы.

– Ареллаган! Ареллаган! – раздался звонкий голос Салливы рядом. – Ареллаган, а ты идёшь с нами?

– Что? Куда? – вскинулся он: толпа ребят уже торопилась куда-то, перебрасываясь громкими восклицаниями, и только Саллива стояла, дожидаясь его и задерживая других.

– Смотреть на пони Ольванса! – весело пояснила Саллива и улыбнулась. – У него их целый табун!

– Да, я уже иду... – пробормотал он, поднимаясь с нагретой солнцем земли. – Думаю, это будет интересно!

Саллива схватила его за руку и потащила за собой, видимо, ничуть не смущаясь тем, что его кожа была холоднее, чем у мертвеца на морозе. Бэарсэй, наигранно отдуваясь, притворялась, будто бы её жалких сил ничуть не хватает, чтобы догнать Принца Ольванса и Принцессу Лесли, бегущих впереди по обдуваемой свирепым ветром дороге. Из Розового сада они выскочили растрёпанными и раскрасневшимися; даже Ольванс уже заметно уставал, возводя глаза к хмурающемуся небу, будто бы задавая ему вопрос: долго ли ещё? Ареллаган стремительно оторвался от Салливы и возглавил цепочку бегущих детей.

– Ареллаган, да откуда тебе знать, куда нам бежать? – пропыхтел сзади Фриэль, чьи хомья-щёки, казалось, вот-вот разорвутся натужным дыханием. – Ольванс покажет...

Ареллаган небрежно отмахнулся от Фриэля и прибавил скорости. Не зная, где находятся конюшни наследника, он вывел всех точно в нужное место. В похолодевшем и наполнившемся влагой воздухе он уловил следы живых существ, ржущих, постукивающих копытами, хрустящих отборным овсом и опускающих морды в канистры с прозрачной водой. Застыв перед величественным зданием конюшни, Ольванс поражённо пробормотал:

– Но... как?..

– У меня хорошее чувство ориентировки, – беспечно ответил Ареллаган, упиваясь восторженными взглядами королевских детей.

«Хорошее чувство ориентировки, ну как же», – ядовито промолвила Бэарсэй.

«Какая разница, они же верят, – отмахнулся Ареллаган, – нам нужно, чтобы нас зауважали».

«Будешь так завоёвывать уважение – и любой идиот скоро догадается, кто мы», – предостерегла его Бэарсэй.

«Не догадаются. Они же слишком маленькие».

«А потом?» – в голосе Бэарсэй зазвучала несвойственная ей тревога.

«А потом... что им уже будет до того, кто мы!» – с воодушевлением воскликнул Ареллаган, и Бэарсэй не преминула омрачить его торжество:

«Мама говорила, что людям нельзя доверять. Не факт, что они не возненавидят нас, когда всё откроется».

– Ареллаган! Бэарсэй! – звала их Лесли, неуклюже разворачиваясь на тонких ногах и выныривая из тёмного провала дверей конюшни. – Идёмте, таких пони едва ли раз в жизни увидишь!

Ни Ареллагану, ни Бэарсэй не хотелось переступить порог; ведь оба они знали, что за этим последует. Но Ольванс и Саллива, подталкивая их в спину и шуточно ободряя, насильно впихнули их внутрь и даже подвели к стойлам, в которых мирно стояло бесчисленное множество пони, принадлежащих наследнику. Ареллаган поразился:

– Зачем тебе столько?

– Мне их постоянно дарят, – гордо ответил Ольванс, – по десять штук на каждый праздник.

Ареллаган пристально изучал крошечную лошадку. Фыркнув в овёс, она медленно подняла изящную голову, и её тёмные красивые глаза столкнулись с его глазами. Чёрный зрачок лошади расплзся в стороны, её мягкие губы подались в стороны, и с испуганным ржанием она забилась в своём стойле, подкованными копытами вышибая крепкую дверь стойла. Лесли и Саллива завизжали, Джолли побледнел ещё больше обычного. Ольванс заметался у стойла, нелепо размахивая руками:

– Ветер, Ветер, успокойся! Здесь все свои!

«Значит... и лошади думают то же самое», – с горечью понял Ареллаган, отворачиваясь от взбесившейся пони, всё ещё бессмысленно ударявшей копытами в дверцу и издававшей тонкое, режущее слух ржание.

Когда Ветер всё же присмирела, Ольванс, полный краски и стыда, неловко подошёл к ним.

– Простите, – покаянно шепнул он. – Я вас очень напугал, наверное... и теперь вы вряд ли будете с нами дружить.

– Ты зря так думаешь, – бойко возразил дэ Сэдрихабу, – ты же не виноват, что твоя лошадь взбесилась.

– Значит, мир? – некстати встрял Джолли.

– Мы и не думали обижаться на вас, – растягивая улыбку на лице, отвечал дэ Сэдрихабу.

* * *

И с тех пор потекли один за другим самые лучшие дни в их жизни. Хотя, конечно, здесь было идеально далеко не всё... Многие людские обычаи были для Ареллагана и Бэарсэй непривычны, а сами они порой непреднамеренно нарушали сложные правила королевского этикета. Первая неприятность случилась с ними на следующий же день после их водворения в комнатах поблизости от покоев наследников. Наутро к дэ Сэдрихабу вошёл седовласый мужчина с огромным серебряным тазиком и объявил:

– Время умываться, Ваше Сиятельство.

– Убери от меня эту гадость! – испуганно вскрикнул дэ Сэдрихабу и принялся кидаться в слугу подушками. Холод, исходящий от таза, даже на таком расстоянии обжигал его ледяную кожу.

– Ваше Сиятельство, не угодно ли Вам умыться? – не сдавался слуга, пытаясь продвигнуться вперёд под непрекращающимся подушечным залпом. – Ваше Сиятельство... послушайте...

– Прочь! Немедленно убирайся вон!

Только когда слуга вместе с тазиком исчез, дэ Сэдрихабу сумел успокоиться и сообразить, насколько глупо было его поведение. Примерно десять минут спустя к нему пришёл Ольванс и с порога рассмеялся:

– Эй, грязнуля! Ты чего так взбеленился? Неужели у вас в Мармудае никто не знаетя с водой и мылом?

– Э-э... – Ареллаган чуть поморщился и быстро солгал: – У нас не принято запускать слуг в комнату утром. Как-то на нашего отца организовали покушение, как раз тогда он сидел в комнате и готовился умываться...

– Хм, – Ольванс чуть покраснел, – извини. Я не знал об этом. Я скажу слугам, чтобы они к тебе не заходили по утрам, хотя для нас это и странно. Нас с братьями и сёстрами умывают, причёсывают и переодевают камердинеры. Я думал, везде поступают так же.

– Вы что, не в состоянии ухаживать за собой сами? – несдержанно фыркнул Ареллаган и поднялся с постели, на которой так и не уснул сегодняшней ночью.

Ольванс, очевидно, смутился.

– Пойдём, я провожу тебя в главный холл. Мы там всегда собираемся на общие трапезы.

Королевский дворец давил на дэ Сэдрихабу, представляясь ему огромным тёмным муравейником. Он хорошо ориентировался в его перепутанных ходах и чувствовал, куда следует идти, но не понимал, к чему собирать столько галдящих бездельников и бездельниц в своём доме. Дамы и кавалеры, шурша шёлковыми нарядами, проходили мимо, не забывая кланяться Принцу, согбенные служанки с тряпками и вёдрами в руках становились на колени и почтительно касались лбом пола, даже если перед этим по полу прошли чьи-то грязные подошвы. Дэ Сэдрихабу с интересом и тревогой завертел головой.

– Кто все эти люди? – спросил он, подёргав Ольванса за рукав.

– Это? – Ольванс хмуро осмотрел толкущихся дворцовых обитателей. – Ну, это мамыны фрейлины с семьями, папины советники, слуги...

– Почему их так много?

– Так положено, – Ольванс пожал плечами, – раньше было ещё больше.

– И разве они тебя не раздражают? – с сомнением спросил Ареллаган. В ушах у него уже резало от дикого гомона и топота, производимого придворными.

– Не то слово, – доверительно подмигнул ему Ольванс, – но я же пока не Король, я не могу их разогнать. Эх... скорей бы уже начать править, – и он тоскливо поглядел в потолок.

Широкий коридор слился с другим, боковым коридором, и к Ольвансу присоединились его младшие братья и сёстры. Под руку с Лесли шла и неустанно болтала Бэарсэй. Лесли остановилась и почтительно присела перед каким-то долговязым хмурым человеком.

– Доброе утро, Ваше Сиятельство.

– Доброе утро, Ваше Высочество, – ответил тот с полуулыбкой. – Какие сны навещали Вас сегодня?

– Никакие, Ваше Сиятельство, – рассмеялась Лесли, – а Вас?

– С того дня, как Вы появились на свет, не было ночи, чтобы Вы мне не снились, – то ли серьёзно, то ли в шутку сказал человек и ввинтился в ряды торопящихся к нижней лестнице придворных.

Ареллаган вопросительно поглядел на Лесли.

– Кто это был?

– Это Оре Монтега, – пояснила Лесли, – он один из папиных министров; кажется, военный или иностранных дел... Он такой забавный! Как его ни спросишь, всегда ответит, что я ему снилась этой ночью.

– Честно говоря, мне этот Монтега не нравится, – доверительно шепнул Ольванс. – Он какой-то... какой-то скользкий. Как угорь.

– И ещё он постоянно сидит по правую руку от папы, – злобно прошипел Джолли, и на его щеках явственно выступили порыжевшие веснушки.

Бэарсэй выразительно подкатила глаза и картинно зевнула. Её, очевидно, мало что интересовало в окружающем мире, даже в том, куда она едва успела попасть и где должна была укрепиться, чтобы получить иллюзию прав на отобранный престол. В отличие от Ареллагана, она нисколько не удивилась, что половину огромного холла занимал стол примерно на полтора человека, и что рядом с этим столом стоял другой, попроще и пониже, без скатерти и столовых приборов, за которым завтракали дворцовые слуги, хватая куски руками и опрокидывая жидкие блюда в рот через край тарелки. Ольванс с властным видом огляделся и повёл их не к огромному столу, где уже располагались Король, Королева и Мередит, и не к слугам, а влево: там, за туго натянутой портьерой, оказался ещё миниатюрный столик, накрытый на восьмерых.

– Здесь наше место, – пояснила Лесли, – мы тут будем кушать, пока нам не исполнится четырнадцать.

– Дети мои! – послышался призывный голос Маргарет.

– Уже идём, матушка! – за всех откликнулся Нёрст и зловещим шёпотом пояснил: – Прежде, чем садиться завтракать, надо поздороваться с родителями и их приближёнными, всем пожелать доброго утра и приятного аппетита, не то они обидятся.

Удивляясь странным людским обычаям, дэ Сэдрихабу и Бэарсэй поплелись следом за королевскими детьми к столу, возле которого всюду суетились позавтракавшие слуги с приборами. Чопорные мужчины в чёрных костюмах носились возле главы с полотенцами в руках и тщательно осматривали каждое, прежде чем подать его определённому кавалеру или даме; девушки с подносиками тревожно пересчитывали вилки, ложки и ножи и старательно раскладывали их подле тарелок в странном порядке. Гвалт в зале царил невообразимый; дэ Сэдрихабу недоумевал, как в подобной обстановке можно завтракать. Ольвансу, стоящему в двух шагах от королевской четы, пришлось даже повысить голос, чтобы его услышали.

– Доброе утро, матушка. Доброе утро, господин отец. Какие сны навещали вас сегодня?

– Доброе утро, дитя моё, – с улыбкой ответила Маргарет. – Я не помню, что снилось мне сегодня, но уверена: это было что-то очень хорошее.

– Кланяйтесь! – зашипела Саллива на ухо Бэарсэй и дэ Сэдрихабу, и они запоздало присели перед Королём, Королевой и их ближайшим окружением.

– Доброе утро, матушка. Доброе утро, господин отец... – заговорила Лесли, пока Ольванс с ритуальными приветствиями обходил кавалеров и дам, собравшихся поблизости от королевских мест.

Теперь дэ Сэдрихабу понял, почему их повели в залу так рано, когда ещё ничего не было готово: чтобы поздороваться со всеми приближёнными царствующей четы, нужно было очень

много времени. Его и Бэарсэй, к счастью, не принудили желать доброго утра посторонним им людям и выпрашивать каждого, хорошо ли ему спалось. По правилам дворцового этикета, им следовало поздороваться только с Королём, Королевой и собственной матерью, которая не отводила от них ястребиного взора в продолжение всего того времени, что наследники приветствовали придворных. Когда Ареллаган подошёл к ней ближе, чтобы она могла услышать его слова, она вдруг протянула к нему руки и спокойно сказала:

– Подойди ближе, сын мой. Бэарсэй, – она стрельнула взглядом в Бэарсэй, уже потянувшуюся к какой-то придворной даме с очень крупными серьгами в ушах, – и ты тоже.

Дети склонились к ней, и Мередит, обхватив их руками, быстро зашептала:

– Этот мир полон опасностей. Очень трудно следовать королевскому этикету, чтобы не быть сочтённым подозрительным элементом. Делайте всё так же, как эти дети, а после общей трапезы подождите у дверей: я отведу вас в свои покои.

– Да, госпожа матушка, – покорно прошептал дэ Сэдрихабу.

Ольванс отошёл от последнего дряхлого придворного с усами, укладывающимися на стол, и поманил друзей за собой:

– Идёмте! Я видел, кушанье уже готово!

Наследники ели с золота и потребовали принести такую же посуду своим друзьям. Дэ Сэдрихабу этому немало обрадовался: проходя вдоль стола старших к своему, он обратил внимание, что большинство придворных пользовались серебряными приборами, от которых исходил мертвецкий холод. Прежде чем сесть за стол, Ольванс поднял глаза к небу и громко сказал:

– Да увидит госпожа Магия, что я не имею дурных мыслей!

Недоумённо переглянувшись, Ареллаган и Бэарсэй всё же повторили его странные слова, как это сделали и прочие королевские дети. Устроившись за столом, Ольванс первым разрезал жареное мясо на своей тарелке и стал есть, остальные не прикасались к своим приборам, пока он не проглотил первого кусочка. Лукаво кося глазом себе за плечо, дэ Сэдрихабу видел, что точно так же поступают и придворные за большим столом, оглядываясь на Королеву, и слуги за малым, почтительно наблюдая за старшим среди них. Бэарсэй фыркнула и поинтересовалась:

– А почему вы все ждёте, пока старший не съест хотя бы кусок?

Королевские дети отложили приборы и задумчиво на неё посмотрели. Нёрст пожал плечами:

– Не знаю, так принято.

– А если Ольванса не будет за столом, вы вообще не станете есть? – въедливо выпрашивала Бэарсэй.

– Э-э... – Нёрст повращал глазами налево и вверх, – тогда первой будет кушать Лесли.

– Ну а если Ольванс тут будет, но у него аппетит испортится, что тогда? – Бэарсэй торжествующе захохотала.

Нёрст, очевидно, запутался, но остальные ребята тоже выглядели весьма озадаченными. Фриэль, самый молчаливый, буркнул неразборчиво:

– Ты задаёшь какие-то странные вопросы, Бэарсэй.

– А по-моему, так правильные! – вдруг захохотала Саллива и задрыгала ногами под столом. Лесли сурово цыкнула на неё:

– Веди себя прилично!

– Ну хорошо, хорошо... – без особенной охоты ответила Саллива и прекратила болтать ногами, но улыбки с лица не спустила.

«Братиска... – заползший в мысли дэ Сэдрихабу голос Бэарсэй тоскливо умолял. – Братик...»

«Ну чего тебе?» – не без раздражения поинтересовался он.

«Скажи, что ты умеешь пользоваться этими... этими штуками», – Бэарсэй показала глазами на вилку и нож, лежащие возле её нетронутой тарелки.

– Ареллаган! Бэарсэй! – Лесли с удивлением поглядела на них. – Вам не нравится кушанье?

– Почему же, очень нравится, – легко солгал дэ Сэдрихабу и мысленно приказал Бэарсэй: «Делай всё как они».

Подражать Бэарсэй умела всегда и довольно неплохо. Она взялась за вилку и нож и принялась орудовать ими как ловкий едок, всю жизнь проведший при дворе. Дэ Сэдрихабу попытался следовать её примеру, но ему вкус человеческой пищи совсем не нравился. Она вызвала неприятное тяжёлое ощущение в каждом сантиметре его сущности, и он был уверен, что теперь точно не сумеет превратиться, если вдруг возникнет необходимость.

– Интересно, – сказала Бэарсэй, в упор глядя на Ольванса, – а почему слуги так боялись положить не то полотенце или не ту вилку рядом с придворными?

– Потому что на каждом полотенце есть монограмма дворянского рода, к которому этот аристократ принадлежит, – пояснил Ольванс.

– Подать одному дворянину полотенце с монограммой другого дворянина – это серьёзное оскорбление, – Джолли, расширяя глаза, покачал головой.

– А ещё для каждого титула положен определённый набор столовых приборов, – продолжала Лесли. – Например, у наших родителей и носителей королевской крови он тройной, вилки лежат слева, а ножи справа, но уже обычные герцоги не могут класть ножи и вилки так, хотя набор у них тоже тройной.

– Почему тогда у нас всё так же, как и у вас? – спросил дэ Сэдрихабу, покосившись на свою тарелку.

– Потому что вы наши друзья, – пожав плечами, просто ответил Ольванс.

Дэ Сэдрихабу подозрительно поглядел на него, пытаясь определить по его лицу, солгал он или нет. Своим выводам он не мог поверить, а потому осторожно проскользнул в мысли Ольванса и ненадолго задержался там, с неверием осматриваясь, пролистывая свежие воспоминания Принца о себе. Но Ольванс действительно не видел в нём врага и не думал смеяться, он говорил именно то, что думал.

«Очень странно», – задумчиво сказал дэ Сэдрихабу про себя. Поведение Ольванса представлялось ему необычным потому, что сам он практически никогда не произносил вслух свои мысли и считал это последней глупостью на свете.

Когда трапеза была окончена, Ольванс первым встал из-за стола, вытер руки о своё полотенце и молитвенно сложил ладони, снова устремляя глаза к теряющемуся в вышине потолку.

– Будь благословенна, Магия, – сказал он, и младшие дети подхватили его слова шелестящими голосами.

Следующий час был посвящён занятиям. Сухие дамы со злыми глазами и крючковатыми носами увели Лесли и Салливу, за Принцами явились такие же тощие кавалеры со стопкой бумаг в руках.

– Время учиться, Ваши Высочества, – бормотали они, суется кругом.

Дэ Сэдрихабу вскинул голову.

– А можно и нам... разделить занятия Их Высочеств? – спросил он чрезвычайно почтительным тоном.

Лишённое щёк узкое лицо обратилось к нему и недолго поразмыслило.

– Нет. Их Сиятельства Амарские будут брать уроки у своей матери.

– Но... как же фехтование, верховая езда, стрельба? Моя матушка не может меня этому научить, – возразил дэ Сэдрихабу.

– Вам следовало бы обратиться с этой просьбой к Её Величеству.

Дэ Сэдрихабу круто повернулся и схватил Бэарсэй за руку. Королева всё ещё сидела за столом, отнюдь не намереваясь подниматься: она ожидала, когда служанки заплетут ей заново косу, при этом она, кажется, не волновалась, что её волосы могут попасть в тарелки к её приближённым. Завидев уверенно движущегося к себе Ареллагана, за которым ташилась Бэарсэй, Королева нахмурилась. Она даже не пыталась скрывать, что не рада предстоящему разговору. Однако она всё же спросила:

– Что случилось, Ваше Сиятельство?

– Ваше Величество, не могли бы Вы позволить мне заниматься вместе с Вашими сыновьями? – прямо поинтересовался дэ Сэдрихабу, и пара придворных дам возле Королевы ахнула. – Я не прошу многого; мне достаточно всего лишь фехтования, стрельбы из лука и верховой езды...

– Их Высочества всегда занимались отдельно и будут делать это впредь, – Королева напряжённо сжала губы. – У меня не столь много детей, чтобы я могла рисковать их здоровьем и жизнями.

– Между прочим, – не удержавшись, хамски заметил дэ Сэдрихабу, – у меня всего одна жизнь, и всё же я готов вручить её Вашим детям, не зная, как они фехтуют.

Щёки Маргарет побледнели, Король, наоборот, покраснел и величественно расправил обтянутые мантией широкие плечи. Сидящие близко к королевской чете кавалеры и дамы явственно зашумели.

– Я попрошу Вас умерить свою наглость, Ваше Сиятельство, – с трудом переводя дух, промолвила Маргарет. – Я приняла Вас из любви к Вашей матери, но это не означает, что Вы вольны говорить всё, что Вам вздумается. А сейчас отправляйтесь к герцогине Амарской и принимайтесь за учёбу. Вы можете взять шпагу и лошадь у донна де Марийо, но тренироваться Вы имеете право только поблизости от Королевского парка, Вы меня поняли?

Дэ Сэдрихабу надменно фыркнул и повернулся к Маргарет и Льюису спиной, не отдав им надлежащего поклона. Бэарсэй прозудела за его плечом:

– По-моему, ты где-то ошибся. Они выглядели оскорблёнными.

– Пускай оскорбляются, – отмахнулся дэ Сэдрихабу, – они по сравнению с нами – тупоголовый скот, я не стану перед ними расшаркиваться. Это они должны упасть передо мной на колени и просить прощения... за всё!

Выйти из залы они не успели: Мередит настигла их, сзади вонзила острые ногти в плечи и без объяснений поволокла по широкому коридору, умело расчищая себе дорогу в водовороте придворных: ей хватало одного грозного взгляда, чтобы все попятились прочь. В своих покоях она сбавила шаг, затем и вовсе остановилась. Зыркнув на служанку, прихорашивавшую букетик цветов в вазочке, она рыкнула:

– Пошла вон!

Девушка испуганно дрогнула и выбежала из покоев. Тогда Мередит крепко заперла за нею тонкие, словно специально созданные для подслушивания, двери и провела детей в среднюю из трёх своих комнат, самую обширную и светлую. Эту комнату она тоже закупорила, будто бутылку с посланием, и затем сделала Ареллагану и Бэарсэй знак садиться. Сама она осталась на ногах, опираясь плотно обтянутой кожей ладонью о широкую отполированную тумбу. Дэ Сэдрихабу пару раз мигнул и протёр глаза: после темноты пещер ослепительная белизна, царствовавшая во дворце, казалась ему нестерпимо отвратительной.

– Итак, – Мередит обвела их сухим взглядом, – я хочу знать, что сейчас произошло в пиршественной зале.

– Я просил права на занятия с наследниками, – фыркнул Ареллаган, – но она мне отказала!

– Правильно сделала, – фыркнула Мередит. – Ваши знания должны быть гораздо более глубокими, поэтому я займусь вашим образованием самостоятельно.

– Но как же стрельба, скачки... фехтование? – простонала Бэарсэй. – Ведь не сможете же Вы, госпожа матушка...

– Бэарсэй, я умею делать многое из того, что женщинам уметь не полагается, – усмехнулась Мередит, – на самом деле меня встревожило совсем другое. Ареллаган, – её голос зазвучал гулко и требовательно, когда она обратилась к сыну, – объясни, с чего ты решил, что имеешь право хамить Королеве и уходить, не попрощавшись?

– Королеве? – вскинулся Ареллаган. – Она не Королева! Она подло отобрала мой... вернее, Ваш, госпожа матушка, трон, она мелочная и слабая женщина и она не заслуживает моего уважения!

– Она – твоя тётка, как вы оба ни хотели бы откреститься от этого! – грохотнула Мередит, и её глаза сделались страшными, чёрными, как бездонные пропасти. Подойдя на пару шагов ближе, она нависла над Ареллаганом и Бэарсэй и сказала уже намного спокойнее: – Ты подвергаешь опасности всех нас. Ведь ты же понимаешь, что произойдёт, если хоть кто-то ещё узнает правду. Ты видел, во дворце собираются самые гнилые и продажные душонки Империи, соглашающиеся с каждым словом Королевы. Чтобы угодить ей, они разорвут нас в клочки, даже если бы она не отдала к этому прямого приказа. Я понимаю, что ты оскорблён и унижен, Ареллаган, но ты обязан потерпеть. Не позволяй своим чувствам испортить всё дело. – Мередит выпрямилась и глубоко вздохнула, переводя взгляд уже и Бэарсэй. – А теперь отправляйтесь к дону де Марийо. Я буду ждать вас двоих в Королевском парке.

* * *

Ареллаган не боялся никого во дворце, кроме единственного человека, перед которым и Мередит неожиданно начинала краснеть и путаться в словах. Это был дон де Марийо, приближённый ещё прошлых властителей Авалории; дон де Марийо, проклявший весь род Великого Духа и склонивший Короля и Королеву к решению изгнать непокорную старшую дочь. Дон был ещё одним человеком, которому тайна была известна, хотя его никто и не думал в эту тайну посвящать. Казалось, дон раскрыл секрет сам, ещё в то далёкое время, когда Ареллаган и Бэарсэй пришли к нему впервые. Впоследствии он приходил уже один, без сестры: та боялась дона и всегда находила повод отвертеться от встречи с ним. Ареллаган же ежедневно являлся за оружием и лошадьми, которых после урока надлежало вернуть владельцу, а дон де Марийо с понимающей улыбочкой копошился в своих сундуках, извергая потоки ядовитых слов, сбрызнутых сверху мёдом для усыпления бдительности жертвы.

Когда Ареллаган и Бэарсэй впервые явились к дону с просьбой выдать им мечи и коней, тот тут же засуетился по светлой широкой комнате.

– Мечи? У меня огромная коллекция оружия; около трети перешло мне от моих предков... – дон открыл оружейный шкаф, сверкнул из-за дверцы пронизательными светлыми глазами и осведомился с явным намёком: – Серебряные, Ваши Сиятельства?

Бэарсэй испуганно стиснула руку брата. Оба они были готовы превратиться и немедленно убить дона, если он вздумает обратить оружие против них. Однако дон немного подумал и вернул меч назад в недра шкафа, сопроводив это действие задумчивым замечанием:

– Нет... к чему теперь серебро? С тех пор, как все демоны были изгнаны из Авалории, мы направляем его только против оборотней, да и те в последнее время стали осознавать своё место. Что ж, полагаю, это больше понравится Вашим Сиятельствам, – и дон, полуобернувшись, протянул им два одинаковых коротких меча, точь-в-точь подходящих им по росту.

– Благодарю Вас, дон, – почтительно сказал Ареллаган, кланяясь старику.

– Да, я тоже, – пробурчала Бэарсэй, залюбовавшаяся рисунком на ножнах.

– Ему более двухсот лет, но благодаря моей магии он превосходно сохранился, – сообщил дон, улыбаясь, – говорят, когда-то им сражался один из потомков демона Незераху, но, думаю, это просто досужий вымысел.

– Духам не нужно оружие смертных, – с всезнающим гордым видом бросил дэ Сэдрихабу, – они сами достаточно могущественны.

– Боюсь, что слухи о могуществе демонов, – особенно подчеркнув это слово елейной улыбочкой, отметил дон, – заметно преувеличены. Ведь представителей этой презренной расы мы так долго не встречали... рассказы о них давно успели обрасти преувеличениями.

– Вы ошибаетесь, – процедил дэ Сэдрихабу с явной угрозой, но дон продолжал ухмыляться.

– Боюсь, что я, немощный старик, прожил на свете дольше Вас и лучше умею отличать правду от вымысла.

Дэ Сэдрихабу разъярённо стиснул хрустнувшие кулаки.

– Нам пора, дон, – заторопилась Бэарсэй, подметив, как напрягся её брат.

Дон провожал их ехидной ухмылочкой, не оставлявшей сомнений, что он отдавал себе отчёт во всех произносимых словах. Ареллаган поклялся отомстить ему... но как? Он многого её не знал и не умел, и ему становилось противно, когда он осознавал, что девятнадцать лет жизни истратил втуне. Откуда он мог знать, сколько ещё ему было отпущено времени? Как он мог предположить, что сумеет сделать всё, что хотел, если он был смертен, как и все окружающие его? *Смертность* – это слово звучало для него как приговор. Даже в отношении близких людей: матери, Бэарсэй, – это не звучало так страшно, как тогда, когда он представлял мёртвым себя. Раньше ему не казалось, что он вообще способен умереть, ведь окружающие духи все были бессмертны, но здесь, в окружении несовершенных людишек, он чувствовал себя беззащитным и жалким.

Мередит учила их подчинять чужую волю. Пока они практиковались на лошадях дона де Марийо, которых Мередит удерживала рядом магией (если бы она этого не делала, лошади ускакали бы сразу же).

– Смотрите ей в глаза, – низким глухим голосом говорила она, – смотрите ей в глаза и повторяйте мысленно: «Ты – в моей власти. Ты – в моей власти». Пока не получается мысленно, можете говорить это вслух, но с уверенностью.

– Ты – в моей власти. В моей власти, – зашептала Бэарсэй и вытянула руку над дрожащей от страха лошадиной мордой.

Дэ Сэдрихабу не отрываясь глядел в глаза застывшей лошади, в её огромные зрачки, и ему казалось, что сквозь эти зрачки он видит разум животного: глупый, несовершенный, но всё же особенный мирок, в котором он мог быть господином, делать всё, что пожелает. Лошадь вдруг опустила морду и тихо заржала, прикрывая веки.

– У тебя получилось! – радостно сказала Мередит. – С первой попытки, Ареллаган!

Порадоваться своей победе ему помешал резкий испуганный крик и глухой удар. Слева от них лошадь Бэарсэй встала на задние копыта, а передними лягнула Бэарсэй по лицу так, что её голова, несколько раз прокрутившись на шее, оказалась страшно повернутой набок. Мередит злобно зашипела; ледяными шарами она сковала лошадь и бросилась к Бэарсэй. Та уже поднималась, вытирая сочащуюся из губы и носа кровь.

– Поверните мне голову! – взвизгнула она. – Что за свинство, чёрт возьми?

Объединёнными усилиями Мередит и Ареллаган развернули голову Бэарсэй так, как полагалось, и помогли ей подняться на ноги.

– Ненавижу, – прошипела Бэарсэй себе под нос, – ненавижу. Никогда больше не свяжусь с этими тупыми существами! – и она обвиняюще указала на закованную в лёд лошадь.

– Ты должна этому научиться, – отрезала Мередит, – так что продолжай занятия. Я буду рядом.

Бэарсэй недовольно буркнула, но всё же поплелась к лошади. Она научилась устанавливать контакт с животными только через две недели, а до тех пор, пока кони отдыхали, дети сражались на мечях под чутким присмотром Мередит. Побеждал всегда дэ Сэдрихабу, что его

радовало, а Бэарсэй – злило. Уроки проводились на свежем воздухе даже тогда, когда настала зима, и придворные свели свои выходы наружу к минимуму. В несколько месяцев Мередит обучила их основам королевского этикета, объяснила различия между графами и герцогами, растолковала принципы составления гербов и государственных флагов, вбила в голову с десятком вежливых обращений к владетельным особам разных рангов, научила даже стихосложению (правда, только Ареллагана, Бэарсэй оказалась совершенно лишённой чувства ритма и слова). Теперь Ареллаган забавлялся тем, что в свободные вечерние часы читал свои стихи королевским детям, а затем наблюдал, как они ломают головы, пытаясь угадать автора. В том, что сочинение его собственное, он не признавался никогда. Для будущего Короля, он был уверен, стихосложение являлось пустым занятием. Всё было бы прекрасно, если бы Мередит не слабела неуклонно и страшно.

– Я слишком давно не бывала тут, – со скрежещущим смешком сказала она как-то, – без магических паров я не протяну долго.

– Матушка... – предостерегающе промолвил Ареллаган, но она оборвала его:

– И не надо сентиментальничать, Ареллаган! Я знаю, что я скоро умру. Когда я сбегала из Столицы с вашим отцом, я сознавала, что пары вполне могут меня убить, но я выжила и приспособилась к ним. Думаю, мне помог мой ведьмин дар... Да и молодости намного легче привыкать к чему-то новому... теперь у меня уже не получится жить без паров так же легко, как двадцать один год назад.

Больше Бэарсэй и дэ Сэдрихабу не заговаривали с матерью об этом. Они понимали, что не помогут ничем, и только следили, как всё больше слабеет и чахнет она, а одновременно с ней, стремительно теряя красоту и здоровье, скукоживается, стареет Маргарет. Ареллаган жалел мать и втайне мучился, глядя, как она страдает, но тётку ему не было жалко ничуть. Он даже торжествовал про себя, подмечая всё новые признаки дряхлости во всём её облике. Занятия детей становились реже и нерегулярнее, пока, наконец, не прекратились совсем, потому что Мередит надолго слегла. Она никого к себе не подпускала, кроме одной доверенной служанки, оказавшейся потомственным оборотнем, дочерью ведьмы и оборотня. Ареллаган и Бэарсэй быстро подружились с девушкой и через неё принялись следить за всем, что происходило в недоступных для них покоях матери. Настире – так звали служанку Мередит – рассказывала им на ухо шёпотом, что временами больная, прикованная к постели, поднималась и неудержимо выкашливала отвратительные чёрные рвотные массы, заполнявшие один таз за другим. От масс исходило разящее наповал зловоние, которое отдалённо напоминало запах нечищенной канализации. Когда рвота переставала, Мередит снова ложилась в постель и устремляла пустой взгляд в потолок. Она не принимала никаких лекарств и не допускала к себе врачей, которых упорно подсылала Маргарет. Конечно, это могло показаться странным, но Королева болела той же самой странной болезнью и оттого не показывалась вне своих обширных комнат. Теперь Ареллагана и Бэарсэй упорно преследовал всего один полный ненависти взгляд – взгляд её супруга. Впрочем, только этим и ограничивалось внимание к их особам. В остальное время они были предоставлены сами себе: даже королевские дети не встречались с ними, так как они были слишком обеспокоены недугом матери. Дворец наполовину опустел: одни придворные в страхе помчались прочь, решив, что болезнь Королевы и герцогини Амарской заразна, другим просто наскучили бесконечные дни, лишённые бурных развлечений и наполненные только однообразными сплетнями. Близнецы бесцельно шатались по дворцовым окрестностям, читали, пытались заниматься самообразованием, лишь бы умерить свою тревогу. Бэарсэй как-то заметила:

– Если с матушкой что-то произойдёт, нас сразу выгонят отсюда.

– С ней ничего не произойдёт, – с хорошо разыгранной уверенностью отрезал Ареллаган тогда.

Почти никого равного им по возрасту и положению не было поблизости, и они развлекали себя обществом слуг. Те в большинстве своём были отверженными и тщательно это скры-

вали: по авалорийским законам нелюди не могли работать в замке. С ними близнецы быстро нашли общий язык, и вскоре компания кухарок, посудомоек, конюхов и садовников стала важной частью их сонной имперской жизни. Здесь им, конечно, тоже приходилось притворяться гостями из Мармудая, хотя слуги чувствовали в них родственное начало. Особенно чутки к этому были оборотни и ведьмы. Настире сразу разгадала их истинную природу и поклялась молчать – а они ей поверили. Ведь именно Настире была их глазами и ушами подле больной Мередит, Настире рассказывала о том, что происходит в спальне Королевы, Настире и её жених Косте, тоже полукровка, раскрывали многие тёмные стороны существования униженных людьми отверженных и тех людей, которых унижали другие люди просто потому, что унижаемые не могли платить.

– Может быть, – говорил Косте, распаяясь и стучая кулаками по дереву, – во мне есть талант звездочёта, или писателя, или композитора, но мы этого никогда не узнаем, потому что таким, как мы, учиться запрещено! – и он яростно сверкал глазами, в центре зрачков которых горели багровые щели – наследство матери – Дарихака.

– Мы должны только работать, чтобы Король и Королева жили припеваючи, – сумрачно подтверждала Настире.

Однажды весной, когда в Королевском парке уже начали распускаться первые почки, и трава бодро полезла из земли, Ареллаган и Бэарсэй, пропустив встречу с наследниками, отправились к своим отверженным друзьям. Им крайне редко удавалось пообщаться спокойно: Настире и Косте были загружены разнообразными поручениями до поздней ночи, и им едва хватало сил добраться до своей жёсткой подстилки, больше напоминающей собачью лежанку. Если же слуга игнорировал поручение, костлявый управитель Монсо не жалел хворостин, чтобы изукрасить спину непокорного. Настире за время пребывания близнецов во дворце наказали трижды; Косте – раз в десять или даже двадцать больше. Вот и тогда – он сидел, сняв грубую рубаху, и Настире бережно прикладывала к воспалённым рубцам на его теле какие-то холодные примочки.

– За что? – спросил Ареллаган ещё издали.

– Опять?! – удивилась Бэарсэй. – Да как тебе это не надоеет?

– До тех пор, пока хоть что-то не поменяется! – зарычал Косте и фанатично впился обрубленными чёрными ногтями в свои колени. – Разве ты на моём месте не поступила бы так же?

– Хм... вряд ли, – беззаботно ответила Бэарсэй.

– Ещё раз повторяю вопрос, – вмешался дэ Сэдрихабу, – за что тебя выдрали?

– За то, что я отказался искать двадцатую шляпу для наследника, – Косте обнажил в недоброй усмешке полусгнившие зубы. – Не понимаю, ради чего ты водишься с этими... они такие же, точно такие же... Это ничего, что пока они не так важничают, как их родители; парочка лет – и...

Ареллаган отвернулся, по привычке закусывая губу. Об этом ему твердили все, даже Бэарсэй, но он отказывался верить. Он был в мыслях каждого из королевских детей, видел все их чувства и желания яснее, чем свои собственные, и осознавал, что они не способны задрать нос по-королевски. Хотя носы во дворце задирали все, даже те, кто к правящей династии практически не имел отношения.

Пока Мередит и Маргарет болели, Льюис с превеликим усердием выдавил из себя письменное разрешение на допуск юных герцога и герцогини Амарской к занятиям наследников. В условленное время после каждой трапезы, исключая вечернюю, они собирались в большой классной комнате и приступали к учёбе. Некоторые занятия, такие, как стрельба, езда верхом и фехтование, проводились на улице, в крытом внутреннем двореке, примыкавшем к покоям Лесли и Салливы. Ольванс, как наследник, и девочки со своими подругами обучались отдельно. Но иногда они всё же собирались все вместе и занимались разнообразнейшими глупостями: плели украшения, вязали, шили, разматывали пряжу, что-то конструировали или рисовали,

пока наставники и наставницы спали в креслах либо о чём-то шептались меж собой. Эти уроки дэ Сэдрихабу никогда не нравились. Проблема была даже не в гвалте, что создавало такое количество детей в замкнутом пространстве, а в поведении некоторых товарищей наследников. Мальчики: знатные герцоги и графы – во всём повиновались Фриэлю и всегда поддерживали его и его друзей, но девочки...

С детских панталончиков Саллива знала герцогиню Майтерскую, одну из самых чванливых юных особ в Империи. Эта девочка не терпела иного обращения, кроме церемонного «Ваше Сиятельство», часто грубила учителям, таскала неудобных графинь и герцогинь за косы и ругалась с Бэарсэй. Ареллаган терпеть не мог людской ограниченности, жестокости и упрямства – а все эти качества Её Сиятельство Майтерская успешно в себе сочетала. Она вообще предвзято относилась ко всему новому, поэтому её первой реакцией на появление в классной комнате близнецов были ядовитые слова:

– Разве мармудайские аристократы имеют право бесплатно учиться во дворце?

– А у тебя это право стоило бы отнять, раз ты даже элементарной вежливости не научилась, – немедленно парировал Ареллаган.

– Пфа! – закричала герцогиня Майтерская, топая ногами. – Кто учил тебя хорошим манерам, отродье? Кто позволяет тебе обращаться ко мне на «ты»?

– Насколько знатны должны быть твои родители, чтобы ты смела называть меня отродьем? – огрызнулся он. – Ты не заслуживаешь почтения!

– Грязный нечестивец, я дочь герцога! Мой род известен уже более тысячи лет, и...

– Ты потомок герцога, который начинал с того, что работал трактирщиком и беспробудно пьянствовал! – жестоко рассмеялся дэ Сэдрихабу, досконально изучивший все родословные древа знатных дворян под руководством матери. – И прославился он не подвигами, а тем, что на спор с пьяницей-Королём, который останавливался в его деревне во время охоты, выпил четыре бочки неразбавленного хвёя! Ты же помнишь, что ваша фамилия произошла от староавалорийского «майэр» – алкоголик?

Герцогиня Майтерская побледнела, покраснела, надула щёки и молча опустила на место. С тех самых пор к ней прицепилась кличка «Майэрский маяк», данная ей из-за высокого роста; а сама она возненавидела Ареллагана, равно как и он её. Ему совсем не нравилось, что Саллива общается с этой зазнайкой и даже ценит её, он не раз требовал выбрать кого-то одного, но Саллива никогда не давала прямого ответа и ни с кем не порывала. Герцогиня Майтерская выискивала повод очернить близнецов, опорочить их; она прицепилась даже к тому, что они однажды выбрали слуг вместо наследников.

– Видимо, ты чувствуешь с ними глубокую связь, да? – издевалась она, когда Ареллаган и Бэарсэй всё-таки пришли в парк.

– Ну да, они же благородные люди, в отличие от тебя, – фыркнул он, не удостоив герцогиню взглядом.

– Вообще-то, мы вас очень долго ждали, – тихо вмешалась Саллива. – Вы стали часто опаздывать. Вы больше не хотите с нами дружить?

– Дело не в этом, – Бэарсэй вздохнула, – а в том, что Настире и Косте нам тоже очень нравятся.

– А вы их угнетаете, – заметил дэ Сэдрихабу, особенным взглядом смерив вспыхнувшего Ольванса. – Я-то думал, вы действительно другие, но, оказывается, для вас двадцатая шляпа важнее человека

– Чёрт, Ареллаган, я не думал, что ты так на это отреагируешь! – тонким голосом выкрикнул Ольванс. – Ну да, я понимаю, что был неправ... не очень мне и нужны эти шляпы, честно говоря...

– Нам нужно, чтобы вы всегда хорошо думали о нас, – выручила его Лесли. – Чтобы мы навсегда остались лучшими друзьями, до самой смерти.

Так и текло время...

Не обращая внимания на бегущие годы, Ареллаган и Бэарсэй оставались с королевскими детьми, и вскорости они сделались неразъединимы, будто части одного организма. Бэарсэй нашла общий язык с Лесли, мечтавшей сделаться ведьмой, с болезненным Принцем Джолли и Ольвансом, которого ей по-прежнему прочили в женихи. Дэ Сэдрихабу же составляли компанию смешливая Саллива, Фриэль и Нёрст, серьёзный и вдумчивый не по годам. Вместе с Нёрстом Дэ Сэдрихабу пробирался в библиотеку для старших членов королевской семьи и там читал запоем всё, что попадалось; Саллива в это время стояла в коридоре на страже, готовая подать сигнал, когда приблизятся взрослые. Нёрст практически с младенчества брал уроки фехтования; именно у него Ареллаган научился многим интересным приёмам. Победителем из схватки всегда выходил он: у него не хватало смелости позволить себе побыть обычным человеком, как требовала мать, и не использовать свою демоническую силу и скорость. Принцесса Мередит вздыхала, качая головой, но королевские дети до сих пор не знали, кого они называют своими друзьями, и, наверное, это было к лучшему. Мимо Маргарет Ареллаган научился проходить с фальшиво покорным видом, посылая в неё через плечо презрительные взгляды; она едва снисходила до него, очевидно, считая своё невнимание достаточным наказанием для него. Она не раз пыталась свести общение Салливы и Нёрста с ним к минимуму, но ей ничего не удавалось. Бэарсэй она практически не замечала, видимо, не чувствуя в ней угрозы. Ареллагану же приходилось намного тяжелее. Король Льюис тоже его не любил, причём не любил ещё сильнее, чем Маргарет. Не раз и не два Ареллагану казалось, что Льюис готов за длинным трапезным столом в окружении неисчислимого количества придворных открыть правду, что он узнал пару месяцев спустя первой встречи с Мередит. В королевском дворце полно было загадок, сплетен и слухов; Ареллаган слышал, как придворные отпускают в его адрес колкости и гадают, отчего его имперское произношение отдаёт неистребимым свистящим акцентом, совсем не похожим на мармудайский. Ареллаган всеми силами боролся с акцентом, из-за которого его частенько понимали превратно. В землях свободных духов ходил совсем иной язык: цедящий, свиристящий, шепчущий, – переливчатые авалорийские слова, залихватски кончавшиеся твёрдыми буквами, были для него непривычны, хотя с матерью он часто разговаривал на авалорийском ещё дома. Особенно неистовствовала герцогиня Майтерская: она предводительствовала сворой насмешников практически в открытую, и на неё не действовали просьбы и приказы Салливы утихомириться. Герцогиня, несмотря на всю свою глупость, чувствовала, что Король и Королева молчаливо одобряют все её действия, а ради такой вещи, как их одобрение, она могла пренебречь словами подруги.

– Откуда же ты родом? – заводила она надоевшую песню, едва завидев Бэарсэй и Ареллагана рядом. – По-моему, мармудайцы намного быстрее привыкают к нашему языку. Это значит, наверное, что... – она не договорила и сладко ухмыльнулась, сквозь ресницы поглядывая на Ареллагана в ожидании его реакции.

– Хватит, Пелестра! – возмущённо воскликнула Саллива, чьё присутствие герцогиня предпочла проигнорировать. – Сколько ещё мне придётся это повторить, чтобы ты меня послушалась?..

Герцогиня Майтерская поглядела на неё широко раскрытыми глазами, как будто удивляясь, что к ней посмели обратиться по имени. Затем она вытащила из кармана зеркальце и принялась поправлять перед ним пышно взбитые кудри. Кончиками пальцев она изредка притрагивалась к своим щекам, проверяя, держатся ли на них белила (хотя белила должны были наносить только дамы, герцогиня игнорировала и этот запрет, и никто о ней не шептался так долго, как это делали, если какие-то правила нарушали близнецы).

– Я о тебе забочусь, – уронила она и выше взбила левую бровку. – А теперь я ещё и виновата...

– Это невозможно терпеть! – яростно воскликнул Ольванс. – Пелестра, я удалю тебя от малого двора, если ты немедленно не остановишься!

– Ваше Высочество? – впервые составив себе труд быть вежливой, изумилась она. – Но, Ваше Высочество, я всего лишь...

– Иди в свои покои, – упорно сверля её горящими глазами, отчеканил Ольванс, и герцогиня сделалась как будто меньше под его взором, пряча зеркало. – Иди туда и не спускайся к нам до следующего утра. Ты подумаешь над своим поведением, а я решу, что с тобой делать дальше.

– Это несправедливо! – в углах глаз герцогини показались слезинки. – Я пожалуюсь Её Величеству!

Глаза Ольванса оставались холодными и жестокими.

– Малый двор подчиняется мне, – веско заметил он, – запомни это.

Яростно стуча каблуками и отплёвываясь, герцогиня Майтерская ушла, а за нею бросилась толпа королевских фрейлин: наверняка для того, чтобы утешить, уверяя, что она поступила правильно. Саллива вздохнула, косо поглядев на брата:

– Я не этого хотела...

– Она совсем распустилась, – отрезала Лесли, сумрачно сжимая губы, – ведёт себя так, будто мы перед нею ничто. Её давно пора было наказать.

– Но не надо же доводить до такого! – возмущённо вскрикнула Саллива. – Мы с ней всю жизнь дружим! Я понимаю, что она иногда бывает врединой...

– Хочешь сказать, постоянно, – вкрадчиво поправил Фриэль.

– Да, пусть и постоянно, – зло соглашалась Саллива, – но всё-таки она моя подруга, и она совсем не такая, как вы думаете! Она с трудом привыкает к новизне... я уверена, через пару месяцев ей надоест вас задирать, и она станет с вами такой же, как и со мной, – она отчаянно поглядела на близнецов в ожидании поддержки.

– А до тех пор предлагаешь сносить унижения? – надменно поинтересовался Ареллаган. – Нет, спасибо!

* * *

Глубокой ночью, когда весь дворец заснул, Ареллаган и Бэарсэй под покровами чар Невидимости пробрались в малую библиотеку для магов. Заступничество Ольванса показалось им пустой формальностью: такая не остановит герцогиню Майтерскую, особенно если за неё вступятся Король, Королева и их приближённые.

– Давай её всё-таки убьём, а? – кровожадно предлагала Бэарсэй, пока они крались к стеллажам с магическими томами.

– Нельзя, – грустно вздохнул он, – она подруга Салливы. Но отомстить ей нужно.

– Так, чтобы она навсегда покинула дворец! – радостно поддержала его сестра, и он приложил палец к её губам:

– Тихо!..

Возле стеллажей они остановились, и дэ Сэдрихабу принялся копошиться среди книг, мельком поглядывая на их корешки с тиснёными названиями и тут же возвращая на место. Бэарсэй, переминаясь с ноги на ногу за его спиной, продолжала перечислять разнообразные варианты мести.

– Слушай, а давай ей вместо лица сделаем козью морду? Мама меня недавно научила... Или нет, нет, – она весело и бесшумно запрыгала на месте, – нет, мы иначе поступим! Давай... давай её разукрасим прыщами? Или пусть её паралич разобьёт? – произнеся непривычно длинную для себя тираду, она умоляюще воскликнула: – Ареллаган, ну давай!..

– Да тихо ты! – прошипел он, отворачиваясь от стеллажей. – Я нашёл.

Бэарсэй торопливо подбежала к нему, встала за спиной и оскорблённо надула губы.

– Простенькие сглазы? Я думала, ты действительно откопал что-то стоящее! Да я в сто раз лучше могу всё проверить, послушай же меня!..

– Нет! – дэ Сэдрихабу сверкнул на неё горящими в темноте глазами. – Это именно то, что нужно.

– Заклятие Облысения? – Бэарсэй сложила губы трубочкой. – Хм... ну да, в этом что-то есть, конечно, но она же вернётся ко двору, как только волосы хоть чуть-чуть отрастут! Или парик натянит...

– Волосы у неё не отрастут, – мстительно сообщил Ареллаган, – и парики её кожа не примет. Я не собираюсь мстить так мелко. Она же обожает свои волосы, а теперь, лишившись их навсегда, глубоко отчаётся. И никто не заподозрит в этом нас: все видели, что она применяет любые мази, отвары и маски, даже не выяснив, что у них в составе.

– Значит...

– Подождём до утра, – зловеще сверкнув глазами, ответил он и быстрым речитативом принялся читать заклинание.

* * *

Комнаты герцогини Майтерской располагались по соседству с комнатами Ареллагана. Раньше он проклинал эту близость, унижавшую его достоинство и мешавшую сосредоточиться на занятиях ночью: именно в это время герцогиня вдруг решала, что ей необходимо отрепетировать новый пассаж на кефало, и бешено начинала бить ногтями по струнам. Теперь он радовался, не думая даже это скрывать. Ведь именно он первым услышал, как из комнат герцогини полетел дикий вой, звонко зазвучавший в унисон с глухим боем напольных часов. Ровно полдень...

– Мои волосы! Мои прекрасные волосы! – кричала герцогиня, захлёбываясь слезами. – Нет, пожалуйста, помогите, верните их назад!..

Злобно ухмыльнувшись, дэ Сэдрихабу вырвался из комнаты и с испуганным лицом бросился в малую гостиную, где собирались наиболее знатные придворные. С порога он закричал:

– Помогите! Герцогине Майтерской плохо!

Вся толпа, сорвавшись с мест, бросилась к пострадавшей в покои. Герцогиня сидела на полу в окружении собственных волос, густо усыпавших ковёр, и редела страшным низким голосом. Две её камеристки суетливо сновали вокруг, пытаясь натянуть на совершенно лысую круглую голову девочки парик.

– Больно! Больно, уберите!.. – прохрипела герцогиня, и камеристки в священном ужасе отпрянули. Гладкая розовая кожа девочки вдруг взбугрилась бордовыми пузырями, наполненными кровью.

– Помогите Её Сиятельству! – умело притворяясь напуганным, кричал дэ Сэдрихабу. – Нужно что-то сделать!..

Ничего сделать не удалось. Ни один из лекарей, спешно призванных к пострадавшей, не сумел нейтрализовать странную реакцию кожи на надевание парика, и ни одному из магов не удалось соорудить на голове герцогини иллюзию волос, чтобы хоть немного её утешить. К одному обидному прозвищу добавилось другое; теперь герцогиню обзывали ещё и гибридовой задницей, что было для неё особенно обидно. Продержавшись при дворе с пару дней, она всё-таки собрала вещи и навсегда покинула свои покои вместе со всей своей опозоренной семьёй. Впрочем, Саллива не забыла её: четыре раза в неделю она исправно наносила визиты в Юсфилонское² владение, где пряталась совершенно лысая герцогиня.

Тогда Ареллаган почувствовал свою силу над этими ничтожными людьми; он решил, что не хочет и не будет более сдерживаться. Клеветавшие на него с молчаливого одобрения Коро-

² Юсфилон – богатые плодородные земли, прилегающие к Столице. Приблизительно в середине 70-х годов 2 тысячелетия по летоисчислению Империи Авалорийской отошли в вечное пользование герцогов Эббрских.

левы наутро просыпались, изъеденные сыпью, язвами или же не просыпались вообще. Ему хотелось бы наслать смертельное проклятие и на дона де Марийо, но пока он опасался попробовать. Дон был сильным магом, и до сих пор Ареллагану ни разу не удалось даже проникнуть в его сознание. Существовал огромный риск того, что дон отразит нападение и выяснит, кто его совершил. Ареллагану вовсе не хотелось покинуть дворец и своих новых друзей, поэтому он старательно удерживал себя в узде. Зато дон совершенно не стеснялся. На Ареллагана он глядел всегда холодно, с отзвуком презрения, как на нечто слишком низкое, недостойное внимательного осмотра. Ареллаган же расплачивался с доном неслыханными грубостями: не отвечал, когда дон к нему обращался снисходительным издевательским голосом, перебивал его в важных беседах, чтобы продемонстрировать свой ум, спешил применить свою магию там, где об этом просили дона. Двор взволнованно шептался, дон краснел и бледнел от злости; а Маргарет смотрела на всё сквозь пальцы, не делая замечаний ни своему приближённому, ни Ареллагану, если они вступали в открытое столкновение. Их взгляды не сходились ни в одной точке, и Ареллагану противно было слышать, как дворец восторженно рукоплещет очевидно неверным суждениям дона де Марийо. Ни одного дня он не начинал без упоминания о духах, оскорбительно называя их «демонами». Ареллаган покорно сносил каждую шпильку дона в адрес своего племени, каждую подколку, сопровождаемую согласными кивками королевской четы, но однажды его терпение лопнуло. Это произошло три года спустя их появления в Столице, в день рождения наследника Ольванса, Лесли и Фриэля.

– Запомните раз и навсегда, – промолвил дон де Марийо, улыбаясь детям, – что нет в мире вещей опаснее, чем нечто чуждое нам, как, например, демоны, – один глаз он скопил в сторону побледневшей Мередит и Ареллагана, сердито сжавшего кулаки. Бэарсэй равнодушно продолжала уплетать свой торт, хотя в пище она совсем не нуждалась.

– Почему, Ваше Превосходительство? – почтительно, но со скучающей ноткой спросил Ольванс.

– Потому что демоны алчны, лживы, своекорыстны и подлы. Они вопьются вам в горло, едва вы доверчиво повернёте к ним спиной, – трубно возгласил дон де Марийо, и последние звуки его слов потонули в аплодисментах. Искреннее всех аплодировала Королева, и её глаза переливались злорадным торжеством.

Ареллаган медленно поднялся со своего места; внутри него клокотала бешеная ярость. Ему хотелось поймать дона де Марийо за воротник и начать трясти, покуда его шея не сломается. Мередит послала в него предостерегающий взгляд через стол, но он предпочёл притвориться, будто этого взгляда не заметил.

– Всё ложь, – прошипел он, сжав кулаки и исподлюбья глядя на морщинистое лицо дона, лучащееся радостью.

– Простите, Вы что-то сказали, Ваше Сиятельство? – предельно вежливо осведомился дон, и в его глазах проскользнула насмешка.

– Ты лжёшь! – утробно рыкнул Ареллаган и стукнул кулаком по столу. Саллива и Ольванс, сидевшие рядом, охнули и одновременно потянули его за рукава каждый в свою сторону, но Ареллагана это не отрезвило. Поднимая тяжёлый горящий взгляд на своего противника, он быстро и гневно заговорил: – Все твои слова – ложь!

– Ваше Сиятельство, наверное, больны? – ласково предположил дон де Марийо, сияя издевательской ухмылкой.

– Да, Вам лучше лечь в кровать, мой друг, – подхватила Королева, улыбаясь так же гадостно.

– Слушайте меня! – рявкнул на них Ареллаган, и бледное лицо Королевы сделалось призрачным от потрясения. – Вы все так радостно слушаете его наглую ложь, потому что она обещает вас! Но на самом деле всё совсем не так, как он говорит! – и Ареллаган ткнул пальцем в сторону пристывшего к стулу дона де Марийо. – Духи ничего не хотят, кроме свободы, у них

нет денег, никакой вашей глупой роскоши, в которую вы залезли, как в кокон! – он резко отодвинул от себя свой тяжёлый, инкрустированный драгоценностями, стул. – И уж тем более ни одному духу не по нраву убийство! Вы приписываете свои пороки тем, кто оправдаться не может! Жалкие трусы, я презираю вас! Это люди... люди постоянно лгут и предают тех, кто им верит... люди убивают и уничтожают всё, что становится на их кровавой дороге! Самая мерзкая раса, которую зачем-то создала госпожа Магия, – он трясся от ненависти, не контролируя себя, – самая бесполезная и самая глупая из всех существующих... Яркий пример – вот, сидит на стуле рядом со мной! – и он опять вонзился пылающим взглядом в дон де Марийо, лицо которого по-прежнему ничего не выражало. – Говорить о том, чего не знаешь... осуждать тех, кто выше тебя... самая отвратительная подлость!

– Ваше Сиятельство! – рявкнул Льюис, меняясь в лице.

Мерedit вскочила со своего места, её глаза яростно зажглись колеблющимся пламенем.

– Остановитесь, сын мой! – закричала она. – Подумайте, перед кем Вы держите Ваши крамольные речи!

– Ваше Сиятельство зря так оскорбляется, – отеческим тоном, под которым пряталась пышущая злорадством ухмылка, втёрся дон де Марийо, и его тусклые глаза, ушедшие в череп, тоже по-молодому засверкали. С особенной интонацией он прибавил после паузы: – Ведь Ваше Сиятельство не принадлежит к расе, о которой я говорю – совершенно справедливо, – он значительно поднял вверх облитый белой перчаткой указательный палец, – что она опасна, непокорна и зла.

Ареллаган застыл, поперхнувшись своими возражениями. Мерedit через стол подавала ему еле заметные угрожающие знаки, и её фигура расплывалась у него перед глазами. Вместо роя голосов придворных, удивлённых вздохом королевских детей и сентенций, что поучительным тоном изрекал дон де Марийо, он слышал только неистовое клокотание сущности в своей голове. Властвовать собой он был не способен в эту минуту. Маргарет у него на глазах изящно повернула голову к дону и мягко промолвила:

– Эти новомодные пацифистические идеи... Оставьте, Ваше Превосходительство. Герцог Амарский всего лишь ребёнок, мы должны быть более снисходительны к нему. Но Ваше поведение, – она подняла на Ареллагана тяжёлый взгляд, – будьте уверены, я не оставлю без внимания. Я желала бы удалить Вас от двора, чтобы Ваши неверные взгляды не развращали моих детей.

– Хотите удалить меня от двора? – дерзко спросил Ареллаган. Лицо Мерedit сделалось совершенно белым и пугающе старым; она смотрела в одну точку и еле шевелила губами, почти сливающимися по цвету с кожей. – Вы этого хотите?

– И Вы спрашиваете, Ваше Сиятельство? – непривычно холодно поинтересовалась Маргарет в ответ. – Собирайте свои вещи. Завтра же Вы уезжаете. Я отправлю Вас к своей кухне, герцогине Эббской, она сумеет воспитать Вас достойно, чтобы Вы больше не заставляли краснеть свою бедную мать.

Наступило грозное молчание. Придворные, склоняя шляпы и отодвигая вуали, чуть перешёптывались друг с другом. Маргарет, сдвинув брови, с полным ненависти упрямством смотрела на Ареллагана: тот, застывший, не двигался с места. Дон де Марийо злорадно ухмылялся, даже не пряча своего лица.

– Вы хорошо поняли меня, Ваше Сиятельство? – промолвила Маргарет, и её лицо подёрнулось дымкой злости. – Или Вам следует повторить?

– Хотите, чтобы я уехал? Замечательно! Хотя сегодня! – яростно выплюнул Ареллаган. – Я готов исчезнуть отсюда немедленно, лишь бы больше не выслушивать этот отсталый вздор, которому вы все верите! Истинно, люди – это самое неудачное творение Магии, наверняка появившееся по ошибке!

– Ваше Сиятельство! – прогремел, выпрямляясь, Король. – Одно слово, и Вас придётся казнить!

– Хватит! – вдруг раздался надрывный тонкий голос.

Ареллаган изумлённо замер и скосил вниз глаза. Прямо перед ним, загоразивая его собою от королевской четы, стоял наследный Принц Ольванс, и глаза его решительно горели. Раскинув в стороны руки, Ольванс повторил уже тише и спокойнее:

– Хватит. Прошу вас, прекратите!

– Ваше Высочество! – бледное лицо Маргарет исказилось. – Немедленно отойдите!

Бэарсэй шокированно выронила из рук ложку и широко раскрыла рот. Принцессы кругом недоумённо хлопали ресницами, на лице Нёрста застыло такое же, как и у Ольванса, решительное выражение. Фриэль и Джолли тоже поднялись со своих мест и собою загородили Ареллагана от пылающих взглядов придворных. Брови Короля Льюиса неестественно высоко поднялись на взбугрившемся морщинами лбу.

– Что это значит, Ваше Высочество? – практически прокричал он.

– Герцог Амарский – мой лучший друг, – категорично отрезал Принц, крепко сжимая руку Ареллагана. – И я никому не позволю изгонять его и, тем более, убивать!

– Подумайте над своими словами, сын мой! – рявкнул Король, бледнея.

– Властью наследного Принца Авалории я дарую ему своё прощение, – продолжал Ольванс, упрямо сверкая глазами, – хотя он ни в чём и не виновен. Если при дворе нельзя выражать своё мнение, так это и не двор, по-моему! И подумайте только причинить ему вред! Если Вы, господин отец, или Вы, госпожа матушка, – он перевёл непокорный взгляд с потрясённо рухнувшей на трон Маргарет на Льюиса, чьё лицо было уже совершенно белым, – посмеете его тронуть, все мы отречёмся от престола и оставим вас без наследников, а страну – без власти.

– И Вы готовы пойти на такие жертвы ради одного вольнодумца? – выкрикнула Маргарет, оживая на троне. – Вы обязаны принять Корону Авалории, Ольванс, и не в Вашем праве отказываться от своей судьбы!

– Тогда я создам себе новую судьбу! – рыкнул Ольванс, прижимая руку Ареллагана к себе. – Но я не оставлю своего друга, госпожа матушка! – он повернулся назад, и его лицо сразу сделалось кротким и спокойным. – Идём отсюда, Ареллаган, – сказал он. – Пускай они живут, как им нравится, а мы с тобой будем жить так, как мы хотим!

– Нёрст! – взвизгнула Маргарет. – Нёрст, единственная надежда моя, вразуми своего глупого брата!

Нёрст повернул к родителям каменное лицо и лаконично бросил:

– Нет, госпожа матушка. Ареллаган был прав.

– Вернитесь! Вернитесь! – закричала Королева, бледнея ещё больше и простирая вперёд трясущиеся руки. – Стража!

Ольванс гневно глянул на стражников, скрестивших копыя у широких дверей залы.

– Именем Короны приказываю вам разойтись!

– Нет! Не выпускайте его! – закричал сзади Льюис.

– Уберите свои копыя, – повторил Ольванс с угрозой, но стражники не шелохнулись.

Нёрст и Лесли вдруг взмахнули руками, и широкая синяя волна смела стражников с дороги. Переступая через их неуклюже распростёртые тела, Ольванс обернулся и удивлённо воскликнул:

– Бэарсэй? Бэарсэй, ты с нами?

– Да, вот только пирог доем, – флегматично отозвалась Бэарсэй, – жаль, что вы предпочли переругаться и уйти. Начинка тут довольно неплохая.

– Бэарсэй! – глухо воскликнула Мередит. – Ни с места, если ты хочешь остаться при дворе!

– Они всё равно тебя изгонят, – мрачно сказал Нёрст, – если ты не пойдёшь с нами.

– Они скучные, – фыркнула Бэарсэй, делая широкий жест в сторону придворных и королевской четы, – такие зануды... Правда, пойдёте-ка отсюда. Отпраздновать можно и в Розовом саду.

* * *

Мерedit нашла Ареллагана поздним вечером, когда солнце уже надёжно укрылось за золотящейся линией горизонта. Он сидел в самом старом и заброшенном уголке Розового сада, прижавшись к земле, всё внутри которой содрогалось от гнева и ненависти к нему. В ушах у него до сих пор звенели несправедливые слова дон де Марийо, вспоминались широкие ухмылки Маргарет и её мужа. *«Они ненавидят меня, – подумал он с горечью. Мгновением позже к гордости добавилось злорадство. – И боятся. Ненавидят и боятся потому, что я – претендент на трон? Нет... они ненавидят меня потому, что я – наследник Великого Духа. И поэтому же они меня боятся. Они не знают, кто я на самом деле. Но я и сам... я и сам очень хотел бы узнать ответ на этот вопрос. Что же я... такое?»*.

Перед тем, как уйти, Ольванс доверительно спросил его:

– А всё-таки, Ареллаган, почему ты так взбесился?

Оторвав голову от колен, Ареллаган недоумённо посмотрел на него. Да, ему очень хотелось бы рассказать, отчего он накричал на Короля, Королеву и их доверенного, но язык ему сковывал страх. *«Люди жестоки и непредсказуемы... Они предают даже самых близких им людей»*, – беспрестанно вспоминались ему гулкие слова матери. *«Кто может дать гарантию, что они не отдадут меня в руки королевских стражников, когда узнают, кто я?»* – горестно подумал он и торопливо промолвил в ответ Ольвансу, особенно не задумавшись над своими словами:

– Я не могу терпеть, когда при мне унижают и оскорбляют тех, кто даже не может защититься.

– Дон де Марийо постоянно требует уничтожить всех, кто не похож на нас, – вздохнул Фриэль, – и все с ним соглашаются, но никто ничего не делает.

– Мы терпеть не можем этого противного ябеду, – с непривычной серьёзностью промолвила Саллива. – И он нас тоже... ненавидит.

– Пусть матушка и отец злятся, – равнодушно сказал Нёрст, – они не посмеют выгнать тебя, Ареллаган.

– Какая разница, – протянул он, – ведь всё равно...

«Ведь я всё равно так и останусь смешанным продуктом. Я ехал сюда, чтобы узнать, кто я, но запутался окончательно».

– Мы будем рядом, – промолвил Джолли и весело ему улыбнулся. – С нами ты не пропадёшь.

Но их обещания не развеяли его тревоги. Он остался в Розовом саду, укрывшись чарами Невидимости и слушая всё, что говорили мимо проходящие придворные. Все они осуждали его, обзывали и весело смеялись над ним и его словами. *«Какие же они жалкие и тупые!»* – злобно подумал Ареллаган, сжимая кулаки. – *«Как же я их всех...»*

– Ареллаган, – холодно прозвенел над его головой голос матери, – я вижу тебя.

Он дрогнул, исподлобья покаясь вверх. Мерedit стояла над ним, сурово стиснув губы, её глаза по-прежнему полнились бурями.

– Ты чуть не поставил под удар всех нас, – сказала она резко. – Достаточно было одного слова, чтобы эта свора бросилась на нас и разорвала в клочья.

– Они просто жалкие обезьяны в сравнении с нами! – заорал Ареллаган, надрывая горло. – Они не смеют оскорблять нас!

– Я уже говорила тебе, что люди безрассудно жестоки, – продолжала Мерedit, не повышая голоса, но ещё плотнее сжимая голубеющие губы, – им нельзя верить. Никому. В том числе и *им*.

– Они совсем другие, госпожа матушка, – отрезал Ареллаган. – *Им* я могу всё рассказать.
– Но так ли ты уверен, что они будут по-прежнему с тобой, когда узнают, кто ты? – сурово спросила Мередит, снизу вверх взирая на него. – Они окажутся в первых рядах тех, кто станет ловить тебя серебряными сетями, выискивая повсюду, лишь бы поймать и убить. Они такие же, как и все остальные. Я не хочу, чтобы ты убедился в этом лично.

– Я не верю, – промолвил он, опуская голову. – И никогда... никогда не поверю в это.

– Одна я не справлюсь с тобой, – задумчиво сказала Мередит и отвернулась. – Завтра сюда прибудет Ингельд, он представится как твой дядя со стороны отца. Мы будем следить, чтобы ты не оступился, Ареллаган. Ты сейчас ходишь по краю пропасти.

* * *

Ингельд, второй по могуществу дух в Верховном Совете, прибыл на рассвете следующего дня. Растволкав в стороны мешающих ему служанок и камердинеров, он направился прямо в комнату Ареллагана, располагавшуюся под комнатой наследника, и бесцеремонно раскрыв двери.

– Ареллаган, – глухо сказал Ингельд на мармудайском с ужасным свистящим акцентом.

– Да, это я, – фыркнул Ареллаган без особенного страха, откладывая в сторону том по высшей магии, что ему принёс Нёрст вчерашним вечером. – А ты, стало быть, заместитель моего отца?

Светлые невыразительные глаза Ингельда, наполненные мягкими иглами, чуть прикрылись в знак согласия. На его обветренной загорелой коже отчётливо выделялся глубокий свежий шрам, покрытый зелёной плёнкой.

– Амулет одной из служанок, – коротко пояснил Ингельд и, схватив со стола еле тлеющую свечу, прижал её к шраму. Концы плёнки стали стремительно стягиваться, а затем они и вовсе, превратившись в точку, исчезли, как будто их и не было. – Ареллаган, твоя мать требует, чтобы ты извинился перед человеческой Королевой.

– Пойти к ней на поклон? – Ареллаган надменно скрестил руки на груди. – Да ни за что в жизни!

– Я приказал тебе, – так же спокойно сказал Ингельд, и его властная холодная сущность вторглась в сознание Ареллагана, легко, будто играючи, сломив его сопротивление. – А теперь иди.

Автоматически шагая, он, не владеющий собой, поплёлся в малую гостиную, где его уже ожидало королевское семейство. Ингельд не отправился следом, но его жёсткое присутствие Ареллаган чувствовал: Ингельд распорядился в его мозгу, словно в своём собственном, и изредка с удивлением прикасался его руками к самым обычным предметам дворцового интерьера. У факела он остановил бредущее тело и сунул кисть в пламя. А спустя мгновение с испугом и болью отшатнулся: для отверженного всеми полукровки огонь был врагом.

«Твоя сущность очень слабая», – равнодушно констатируя факт, заметил Ингельд.

«Конечно. Ведь мне же не повезло родиться чистокровным духом!»

«Молчи», – отрезал Ингельд спокойно, и Ареллаган, прогнувшись под его давлением, затих. Его рукой, всё ещё красной от ожога и нестерпимо чешущейся, он растворил двери гостиной и вошёл. Королева Маргарет выпрямилась в своих глубоких креслах; её глаза приняли прежнее выражение отчуждённой холодности. По правую руку от Маргарет в таких же креслах сидел Король Льюис, на полу, в ногах у них, без подушек и ковров расположились Принцы и Принцессы. В углу замерли с опущенными головами Мередит и Бэарсэй, прямо напротив них, перелистывая страницы какой-то книги, с рассеянным нахальством улыбался дон де Марийо.

«Начинай говорить», – приказал Ингельд, и Ареллаган, пересиливая стыд перед собой за свою слабость, громко и фальшиво объявил:

– Ваше Величество! Я приношу извинения за своё ужасное вчерашнее поведение. Я был нездоров и мог сказать много такого, что мне не простил бы и самый милосердный правитель мира. Но я, Ваше Величество, раскаиваюсь. Если это возможно, то дайте мне шанс на исправление. Я обязуюсь и впредь выражать своё мнение более корректно, но... но одновременно с этим, Ваше Величество, я хотел бы заметить, что, по-моему, дон де Марийо неправ.

– Опять, – страдальчески вздохнула Маргарет, умело разыгрывая роль. – Но хоть твоё искреннее раскаяние меня радует. Подойди ближе, дитя моё. Ты прощён... но я предупреждаю, что в следующий раз моё наказание будет очень суровым.

– Благодарю Вас, Ваше Величество, – словами Ингельда отвечал Ареллаган и склонил перед Маргарет голову.

* * *

Ингельд так и остался при дворе. Говорить на имперском он не желал, хотя и смог бы, если бы захотел. Своё мнение он выражал исключительно по-мармудайски либо на языке духов (в разговорах с Ареллаганом, Бэарсэй и Мередит, когда им удавалось остаться наедине). Ареллагану Ингельд совсем не нравился. В отличие от Мередит, он явно не желал отдавать авалорийский трон полукровке. Ареллагана и Бэарсэй он нещадно мучил, заставляя упражняться в магии до потери сознания, а затем, выделив им около получаса отдыха, швырял в руки шпагу и принуждал встать в позицию.

– Он такой противный, – жаловалась Бэарсэй, – и чего он не уедет домой?..

– Да, – мрачно соглашался Ареллаган, – без него было бы намного лучше.

Причина его недовольства была несколько иной. Он злился на Ингельда не оттого, что Ингельд заставлял его учиться, а оттого, что нигде: ни в магии, ни в фехтовании, ни даже в знании людских обычаев – он не мог превзойти своего учителя; более того, разрыв в их силах и образовании был настолько значителен, что Ареллаган впадал в отчаяние после каждого поражения. Тренировались они неподалёку от входа в Королевский парк: это место им выделила Маргарет из желания поиздеваться снова: именно в парк Ареллаган ненавидел ходить. Всё там восставало против него и изгоняло из своих пределов хлёткими ударами ветвей и резкими порывами неприятного ветра. К Ингельду природа, наоборот, тянулась: не раз и не два Ареллагану удавалось увидеть, как Ингельд, на рассвете приседая у закрытых бутонов цветов, своим проникновенным шёпотом заставлял бутоны раскрыться, а росу на листьях и стеблях – сложиться в причудливые узоры.

– О чём ты думаешь, Ареллаган? – грозно закричал Ингельд, швыряя ногами ему в лицо. – Вставай!

– Какой с этого прок? – возмутился Ареллаган, не предприняв никаких попыток к тому, чтобы подняться. – Ты никогда не объясняешь мне, где я ошибся. По-моему, тебе просто нравится надо мной издеваться, ведь тебе не по вкусу, что я стою ближе к креслу главы Совета, чем ты.

– Не болтай глупостей, – холодно сказал Ингельд. – Великий Дух, в отличие от тебя, бессмертен. Ты хочешь жить среди людей, и поэтому ты должен научиться защищаться от них.

Ареллаган резко стиснул губы и всё-таки поднялся с земли. Никакого желания сражаться с Ингельдом он не испытывал, так как хорошо успел запомнить, что не побеждает в схватках никогда. Ингельд был намного быстрее, искуснее и проворнее, и своих преимуществ он никогда не скрывал, так же как и сам Ареллаган в дуэлях с наследным Принцем. Теперь-то он хорошо понимал, каково быть слабым и беспомощным. Он изошрял все свои силы и ловкость, но не прошло и десяти минут, как Ингельд, неожиданно испарившись в воздухе и появившись сзади, отшвырнул его на тяжёлую землю, мокрую после недавно прошедшего дождя. Ареллаган поднялся сначала на колени, сердито отплёвываясь слипшимися коричневыми комочками. Холодный кончик меча Ингельда придвинулся к его шее ближе.

– Ингельд, он не серебряный, – ядовито заметил Ареллаган, ещё силясь удержать равновесие на скользкой земле, – можешь отрубить мне голову, я от этого не особенно пострадаю.

– Ты упускаешь из внимания то, что у людей мечи могут быть серебряными, – отрезал Ингельд, – поднимайся.

Ареллаган с ужасом царапал ногтями по грязи, неуклюже елозил в ней сапогами, как слабый человек, оглушённый вином, и силился подняться под насмешливым взглядом Ингельда. Он чувствовал приближение Принцессы Салливы: она с хохотом бежала к парку, и Нёрст силился догнать её. Любые попытки вскочить быстро не дали желаемого результата – и проломившись сквозь стену живой изгороди, друзья застали его лишь поднимающимся из глубокой грязной лужи. Небо над ними снова начинало наполняться тучами и испускать глухое ворчание, как собака, у которой отняли кость.

– Эй, Ареллаган! – крикнула Саллива издали. – Что случилось?

– Саллива, не... – Нёрст потянул её за рукав, но она вырвалась и бросилась Ареллагану навстречу, совершенно игнорируя Ингельда.

– Что, были занятия? У меня завтра тоже начинаются, ко мне приставили новую классную даму... Честно скажу: она такая злока! И ещё очень противная, – Саллива оскорблённо надула губы и только сейчас соизволила заметить стоящего рядом в полной неподвижности Ингельда. – Мы можем идти? – спросила она по-мармудайски.

Вместо ответа Ингельд сделал широкий жест в сторону тропинки, по которой сюда пришли он и Ареллаган. С людьми Ингельд вообще предпочитал не общаться, сам объясняя это тем, что контакты между двумя расами следует свести к минимуму, дабы не повторять ошибок Великого Духа. Под «ошибкой» он имел в виду, конечно же, появление на свет Ареллагана и Бэарсэй, и оба они наполнялись яростью, когда их называли так снова – в глаза. Никаких шансов заставить Ингельда пожалеть о сказанном у них не было. Как-то раз в конце лета они всё же, утерев терпение, набросились на него, но это привело лишь к очередному наказанию. Ингельд раскидал их в стороны, как котят, а появившаяся через несколько мгновений Мередит сурово отчитала их и лишила общения с королевскими детьми на несколько недель (Маргарет, едва держащаяся на ногах и бледная, как сгорающая свеча, конечно же, торжествовала).

Саллива обеспокоенно заглянула ему в глаза.

– Эй, – тихо сказала она, – что не так?

Ареллаган отвернулся: смотреть на неё, не вспоминая, что совсем недавно она видела, как позорно завершился его поединок с Ингельдом, у него не хватало смелости. Саллива устало вздохнула.

– Да не считаю тебя бессильным поленом, если ты об этом, – она закатила глаза. – Вообще-то, с Ингельдом даже лучшие фехтовальщики Империи тягаться не смогут. Когда вы с Нёрстом вчера пропадали в библиотеке, Ингельд задал хорошую трёпку племяннику донна де Марийо, этому Эстемару, – Саллива усмехнулась. – Эстемар всё хвастался, что одного его коронного выпада достаточно, чтобы уложить любого противника. Где-то минут пять Ингельд, как и все мы, слушал его восхваления, а потом подошёл и предложил встать в позицию. Минуты не прошло, как Эстемар уже валялся на полу безоруженным. А между прочим, – Саллива глубокомысленно изогнула бровь, – он действительно лучший клинок Империи, хоть и хвастается так, что ему очень хочется врезать. Не во всём ты обязан быть первым, Ареллаган, – она настойчиво сжала его руку. – Для нас ты всё равно будешь лучшим учителем, чем Ингельд или этот Эстемар, мы к тебе пойдём за советом и помощью, не к ним. Вряд ли они могут похвастаться тем же самым?..

Саллива, конечно, говорила очень умные и правильные вещи для своих одиннадцати с половиной лет, но Ареллагана это ничуть не успокоило. Он решил перегнать Ингельда хоть в чём-нибудь и углубился в изучение самых разнообразных наук. Полгода он провёл в безуспешных поисках: то, что для него было ново и интересно, Ингельд знал уже тогда, когда

Империи, равно как и абсолютного большинства других стран Иного мира, ещё не существовало, а по диким просторам природы бродили агрессивно настроенные племена нецивилизованных людей с примитивным оружием в руках. Фриэль и Джолли упрямо пытались вытащить Ареллагана из библиотеки, наконец, даже Нёрст к ним присоединился, заявляя, что провести всю жизнь среди стеллажей с книгами не значит вобрать в себя знания мира. Ареллаган согласился – но по причинам, им неизвестным. Он наконец-таки нашёл ту вещь, о которой даже Ингельд ничего не знал. Он – первый за бесчисленные столетия – выяснил, где находится убежище госпожи Магии, Создательницы всего сущего.

* * *

Ритуал он начал в два часа ночи, когда последние всполохи активной жизни во дворце угасли. Что именно ему надлежит делать, он не представлял (ни в одной книге не давалось инструкций по пересечению границы Небытия), и потому действовал наугад. Для начала он крепко запер все двери, плотно сдвинул шторы на окнах, а затем вернулся к своему письменному столу и застыл возле него. На страницах раскрытых книг ему не удалось найти ничего из того, что он хотел бы увидеть. Он глубоко вздохнул, успокаивая kloчущую от страха и нетерпения сущность.

– Всему своё время, всему своё время, – пробормотал он себе под нос и развёл руки в стороны. – *Даруй мне силу*, – заговорил он на древнем магическом языке, что узнал ещё от духов в пещере, – *даруй мне знание! Госпожа Иного мира, властительница всех сил в природе, Та, что повелевает судьбами, Создательница конкретного и незримого, единственная Повелительница, взываю к тебе! Укажи дорогу запутавшемуся, открой двери перед уставшим. Ты знаешь, кто причина моего пути. Отвори передо мной окна, покажись, если ты жива поныне! Магия течёт среди нас, Магия объединяет нас; Ты – наш столп, создательница! Яви же мне своё истинное лицо!*

В закрытую комнату, изолированную от внешнего мира, никак не мог ворваться сухой въедливый ветер. Но этот ветер был здесь сейчас, он рассекал пространство вокруг застывшего Ареллагана волнами, подхватывал со стола книги, свитки пергамента, выдвигал и задвигал ящики, стучался в окно с тоскующим волчьим подвыванием. Ареллагану хотелось бы шевельнуться, издать какой-то звук, но тело не принадлежало ему. Несколько мгновений ему потребовалось, чтобы осознать: он смотрит на самого себя откуда-то с потолка, словно он неожиданно превратился в сгусток чистой магической энергии, какими были Ингельд, Великий Дух, Аинда, Керенай и все прочие обитатели заброшенных выжженных земель на западной границе Империи. Ветер взревел, словно заточённый в клетку великан, и реальный мир перед глазами Ареллагана потонул среди белых вязких облаков, вдруг подхвативших его и вытащивших прочь отсюда, в Небытие – убежище госпожи Магии, которое столько лет бесплодно искали лучшие маги мира, но нашёл единственный – отверженный дух-полукровка.

В молочно-белом тумане, завешивающем всё пространство кругом, ориентироваться не удавалось. Холодные ветры налетали на него то справа, то слева, то неожиданно валили в вязкие облака лицом вниз, подкравшись со спины. Себя он совершенно не видел и практически не ощущал, но это его не пугало. Вдали, где-то в завывающихся петлях клубов тумана, пульсировало средоточие магической силы, и чутьё подсказывало ему, что именно в этом направлении следует двигаться. Никаких признаков жизни вокруг он не заметил. Он брёл один в необитаемой белой пустыне, засасывающей в себя, словно болото. Преодолевая усталость, он всё-таки тащился дальше, хотя теперь сопротивляться ветру было намного труднее. Магическая сила, пульсировавшая вдали, разгорелась теплом и уютом, и громкий холодный голос спросил его, эхом отдавшись от пустоты затканного облаками пространства.

«Зачем ты пришёл сюда, Ареллаган, сын Великого Духа?»

«Я пришёл за Госпожой Магией!» – без особой уверенности мысленно прокричал Ареллаган в ответ.

Голос глухо и ворчливо засмеялся.

«Значит, мы с тобой наконец-то встретились. Уже много лет меня здесь никто не навещает, впрочем, это даже к лучшему: мои силы восстанавливаются быстрее. В последний раз сюда приходил мужчина по фамилии Фолди... наверняка он давно уже мёртв...»

«Ты знаешь всё об этом мире, ведь так?» – перебивая её, в нетерпении поинтересовался Ареллаган.

«Всё зависит от того, что именно ты хочешь узнать», – туманно ответствовала Магия, и завывавшие кругом ветры несколько стихли, благодаря чему Ареллагану удалось наконец-то выпрямиться.

«Я хочу узнать... хочу...»

«Тебе интересно, что ты такое, верно?» – голос Магии, не имевший постоянного тембра, сделался нежным и переливчатым.

«Да... верно... – ошарашенно пробормотал Ареллаган. – Я хочу знать, есть ли для меня место в этом мире, и что мне делать, чтобы жить в нём, как все! Ты же понимаешь: как все, не так, чтобы меня ловили и заточали в пещеры».

«Я не могу тебе помочь, – отрезала Магия глухим тоном. – Если ты сам не знаешь, кто ты, как же это могут понять другие?»

«Они, напротив, знают, – вздохнул он, – оттого и называют меня полукровкой. Но я... я уверен, что у меня впереди прекрасное будущее! Только вот...»

«Тебя не принимает природа, потому что ты ей чужд, Ареллаган, – грустно сказала Магия, – конечно, ты уже сотни раз это слышал, но я не могу прибавить что-то другое к своим словам. Увы, Ареллаган, но, создавая этот мир, я и предположить не могла, что духи и люди свяжутся воедино. И в начале времён они старались избегать друг друга».

«А что случилось потом?»

«Потом... – Магия тревожно вздохнула, – потом я сжалась над людьми, ведь они были самыми слабыми и незащищёнными из моих детей. Я открыла свою Шкатулку Милостей и подарила им заключённую там силу... но не все смогли оценить мой дар. Оборотни и ищейки оказались невосприимчивы к магии, гибриды лишь увеличились в размерах, а духи и Дарихаки, возомнив себя высшей расой в мире, удалились от нас. Раскол начался именно так, и он длится до сих пор. Но появление на свет таких, как ты и твоя сестра, даёт мне надежду, что скоро мы воссоединимся вновь».

«Люди... – с ненавистью прорычал Ареллаган. – И тогда, тогда тоже они не постеснялись нас всех унижить... Не прощу!!»

«Не только люди повинны в этом, мой маленький друг, – усталым древним голосом заметила Магия, – нельзя перекладывать всю ответственность на единственные плечи. Я тоже сыграла во всём этом не последнюю роль».

«Но почему тогда ты прячешься здесь?» – обвиняюще воскликнул Ареллаган, очень сожалая, что у Магии нет лица, и он не может бросить свои слова ей в глаза. – *«Почему ты не приведёшь этот мир в порядок, как ты обязана?»*

«Не всё в моих силах, юноша, – холодно заметила она. – Наш разговор утомил меня, ты должен удалиться».

«Не прячься от меня! Скажи мне правду!!»

«Уходи, – повторила она автоматическим страшным голосом. – Уходи, или тебя ждёт большая беда».

«Какая?» – надменно фыркнул Ареллаган. – *«Неужели ты отважишься что-то сделать сейчас, когда столько лет не предпринимала ничего?..»*

«УХОДИ!»

Этого слова оказалось достаточно. Неведомое нечто вокруг него сжалось в неистово крутящиеся вихри, вихри заплелись в косы – и Ареллагана оторвало от них, выбрасывая назад –

в цветной, осязаемый мир, в котором всё ему показалось слишком шумным, слишком ярким сейчас.

Сквозь прореху между занавесками пробивались слабые лучи. Ареллаган тяжело потряс головой. Какой час стоял на дворе? Полдень? А, может быть, солнце уже клонилось к закату? Он с трудом поднялся с жёсткого деревянного пола. Вся его сущность болела, противясь и самому мимолётному движению. Преодолевая муки, он всё же прохромал к окну и выглянул из него. На Столицу уверенно напоззали сумерки.

«Сколько же времени я пробыл *там*? – удивлённо спросил он себя. – И почему никто не хватился меня?»

Странное ощущение разливалось по его телу. Это была сила, энергия, наполнявшая каждую, самую мельчайшую, частичку его сущности. Он изумлённо вытянул перед собой сжатую в кулак руку и осторожно потрогал холодную, как и его кожа, стену. По стене пробежалась электрическая искра.

– Магия... – вслух протянул Ареллаган, и его губы сложились в довольную усмешку. – Вот в чём тут дело... Пусть я и полукровка, – пробормотал он, улыбаясь всё шире, – но вряд ли кто-то запретит мне набираться сил... Интересно, как ты на это отреагируешь, Ингельд...

* * *

Прошло почти три года, и за это время многое успело измениться. Королевские дети стали практически подростками, загруженными учёбой. Принцам выделили личную свиту для охоты, а Принцессам уже начали подыскивать женихов. Королева Маргарет побледнела, похудела и сморщилась, теперь она сделалась очень похожей на Мередит, едва волочившую ноги по паркету. Одряхлели Король Льюис, дон де Марийо, многие придворные... Но вместе с тем прибывало всё больше молодых дворян, желавших составлять компанию Их Высочествам и получать милости от самого трона. Да, этих людей было много, и каждый находил повод чем-либо похвастаться: происхождением ли, богатством, всего лишь фактом своего появления на свет... Однако королевские дети по-прежнему предпочитали общество Ареллагана и Бэарсэй. Они, конечно, выросли не так быстро, но из соображений вежливости и конспирации постепенно меняли свой облик и становились старше вместе с друзьями – хотя бы внешне. Занятия с матерью у них прекратились: сражённая болезнью, Мередит уже не могла давать им полноценные уроки. Ингельд заменял её – но, увы, плохо, поскольку он даже и не собирался что-либо им разъяснять. По его соображениям, всякое знание должно было усваиваться сразу. Ареллаган и Бэарсэй старались... а между тем слухи о них росли, покрывались всё большим слоем лжи – и это не вело ни к чему хорошему.

О том, что кто-то подозревает в нём демона, Ареллаган узнал незадолго до четырнадцатого дня рождения Нёрста, когда он сам, Нёрст, Фриэль, Джолли и Ольванс находились на большой охоте, организованной Королём. Король травил вепря в глубине Арденнских лесов, и бешеный лай псов и крики охотников добивались до них, шестнадцати юношей, которых к этому делу не подпустили. Им дозволялось стрелять птиц и мелкую дичь, от большего ценная чета со смешным усердием оберегала своих детей.

Ольванс сощурился и сдвинул назад шляпу; ветер взметнул вверх его волосы, сбившиеся в шар.

– Ну, кажется, они сюда едут, – сообщил он, поигрывая поводьями от глубоко и гневно дышащей лошади. – Слышите звуки?

Ареллаган давно уже учуял кабана, бегущего прямо на них. У полукровок обоняние было намного острее, чем у духов и многих животных (эту особенность он считал едва ли не единственным плюсом своего неопределённого происхождения), и запах пота, крови и напряжения витал повсюду, особенно резко доносясь из узкого просвета меж высоких тонких деревьев. Он слышал крики, топот, визг так же отчётливо, как их слышал бы человек, будь источник звука ближе. Он не собирался никуда уводить Принцев: его желанием было завалить кабана

самому с помощью магии и унижить этим донна де Марийю так же, как дон унижил его самого, якобы «случайно» проведя толпу придворных дам мимо того места, где Ареллаган и Ингельд тренировались на мечях. Это случилось три месяца назад, и с тех пор дон не подстраивал гадо-стей: его приструнил полный ненависти взгляд Мередит и, неожиданно, заступничество чахлой Маргарет, что теперь цеплялась за сестру изо всех сил и трепетно относилась к её шаткому здоровью.

Кабан бежал, с треском ломая ветки. Теперь и Принцы, и свита увидели его смутные громоздкие очертания; кто-то из изнеженных графов закричал в ужасе. Король возглавлял лавину охотников, возбуждённо травящую животное; он размахивал плетью над головой у взмыленного коня и кричал оцепеневшим юношам: «Бегите отсюда!»

– Огонь! – завопил Ольванс и первым прицелился в кабана. Просвистела стрела – она прошла мимо цели.

– ВОН!! – кричал, надрываясь, Король, но его голос тонул в сотне других голосов, требовавших совсем иного, просивших о помощи, грохотающих...

Следом, опомнившись от шока, начали стрелять младшие Принцы и свита. Кабан с удивительным изяществом миновал все стрелы; не сворачивая, он нёсся прямо на Ареллагана, которого боялся куда больше, чем всех окружающих и даже собственной близкой смерти. Ареллаган вытянул навстречу кабану руку и легко выловил из свиты Короля лицо донна де Марийю. Дон, безоружный, еле поспевал за охотниками на своей дряхлой кляче: его взяли в лес лишь по его настоятельной просьбе: когда-то дон превосходно охотился и даже сейчас чувствовал особенное волнение крови перед добычей...

Над ладонью Ареллагана разгорелся оранжевый шар. Массивные клыки кабана были нацелены прямо на него. Ольванс, успевший спешиться, стоял рядом и старательно прицеливался в массивную храпящую тушу, бегущую к ним. Свита дрожала от страха, у Джолли побледнели даже веснушки на щеках. Ареллаган поднял светящийся шар выше над своей головой – и точно метнул его в зверя. Свита Короля начала стрельбу. Глаза Ольванса в ужасе расширились.

– Ареллаган, ложись!

Принц бросился на него, сбив с ног и погребя под собой. Ареллаган не видел, как падает убитый кабан, но чувствовал вытекающую из его вен кровь и слышал короткий тонкий визг. Копыта животного ещё слабо облизывало оранжевое пламя.

Тяжело дыша, Ольванс скатился с друга и поднялся вначале на колени. Его лицо было бледным и страшным, в руках он мял шляпу Ареллагана – шляпу, чуть выше уровня лба в которой было хорошо заметно отверстие с обугленными краями.

– В тебя стреляли, – пробормотал Ольванс, – тебя хотели убить.

Охотники зашумели, столпившись вокруг туши распростёртого по серой земле кабана. Даже Принцы и молодые свитские поторопились к зверю. Ольванс протянул Ареллагану его продырявленную шляпу и раскрыл ладонь свободной руки. На грязной замшевой перчатке лежал небольшой серебряный наконечник стрелы.

С трудом владея собой, Ареллаган поднял на Ольванса изумлённый взгляд и довольно спокойно промолвил:

– Ты меня спас...

– Я просто вдруг почувствовал неладное, – Ольванс недобро сощурился и подкинул наконечник на ладони. – Оказалось, что это было не так уж и странно. Но, Ареллаган, я одного не понимаю... – он на мгновение сильно стиснул кулак, а потом снова его разжал и впился взглядом в наконечник. – Почему... серебро?.. Ведь его выпускают только в оборотней и...

– И в духов, – мрачно добавил Ареллаган, решаясь. – Послушай, Ольванс, не надо выяснять, кто это сделал.

– Тебя пытались убить, идиот! – в сердцах воскликнул Ольванс, взмахивая простреленной шляпой. – Если не выяснить...

– Не нужно, – жёстко повторил Ареллаган. – Я объясню это тебе... объясню потом. Приходи ко мне, как только все утихомятятся.

Ольванс сдержанно кивнул и закусил губу. К ним спешил, грузно приминая к земле былинки и сухие ветки, сам Король в сопровождении всё так же ухмыляющегося дона.

– Я благодарен Вам, Ваше Сиятельство, – издевательским тоном сообщил Король. – Видимо, Ваши занятия с дядей приносят плоды.

– Это очевидно, Ваше Величество, – нагло поправил его Ареллаган. – Дон, наверное, был слишком слаб для того, чтобы сразу Вам помочь, – и он скосил на старика злорадный взгляд.

Соединяя чуть подрагивающие пальцы, дон с достоинством отметил:

– Ваше Сиятельство, будь оно чуть более искушено в *настоящей* охоте, сразу бы сообразило, что охотник должен *сам* завалить добычу.

– Если добыча завалит перед этим другого человека, хотите Вы сказать, – фыркнул Ареллаган, – это будет великолепным оправданием её убийству.

– Довольно, господа, – мягко вмешался Король, – этот трофей принадлежит всем нам! Уверен, что матушка, – он подмигнул Ольвансу, – немало обрадуется, когда увидит этого великана...

Ольванс отвернулся и хмуро промолчал. Король участливо поинтересовался:

– Что-то не так, сын мой? Вы выглядите встревоженным. Кого-то из Ваших приближённых ранило на охоте?

Ареллаган хмыкнул, пристально глядя в лишённые стыда глаза Короля и спрашивая себя, сколь долго он ещё собирается так плохо играть невинного перед собственным сыном. Король, очевидно, намеревался это делать ещё неограниченное количество времени. Конечно, он рад был бы сбросить маски, как только уничтожит дэ Сэдрихабу, но дэ Сэдрихабу поклялся себе, что переживёт не только этого ничтожного человечка, но и всё его потомство вплоть до двенадцатого колена.

Ольванс на расспросы отца всё-таки не ответил, за что Ареллаган уже был ему благодарен. В пылу охоты было покалечено два королевских выездных, но их даже не брали в счёт: люди столь низкого положения тут считались десятками или охапками, будто пуки хвоста. Огромный кабан попал во дворец, вызвав восторженное восхищение у Королевы, её фрейлин и поваров, которым предстояло разделать внушительную тушу и состряпать из неё столь же внушительное блюдо. Охотники рассыпались по своим комнатам и бесконечным дворцовым галереям, снова становясь галантными кавалерами, быстрыми на распространение сплетен и слухов; Король опять укоренился в своём кабинете, где он, по разумению Ареллагана, не занимался ничем полезным и лишь притворялся, будто работает. Но вот Ольванс никуда не делся, он маячил у Ареллагана за спиной и всё ждал, когда ему дадут объяснение сегодняшним странностям. Ареллаган хотел бы сказать ему правду, но... но зная, во что эта правда может вылиться, он предпочитал молчать и судорожно сочинять какую-нибудь ложь. Сейчас он впервые пожалел искренне, что рядом нет Ингельда (тот ненадолго отбыл в земли духов) и ему не у кого попросить совета. Мать была чересчур слаба, а Бэарсэй никогда не отличалась умом, становясь хитрой и изворотливой только тогда, когда речь заходила о спасении её собственной шкуры. Ареллаган мог бы солгать и сам, но не Ольвансу, не своему другу. Эти годы не прошли зря: смертный слабый человек, наследник престола, к которому он, могущественный полукровка, по праву рождения столь долго стремился, стал ему дорог и важен. Обмануть его Ареллаган не мог – не поворачивался язык. Вот уже несколько лет он вообще не лгал ни Ольвансу, ни другим Принцам и Принцессам, предпочитая уходить от ответа, если его спрашивали об его необычных способностях, каких не было даже у могущественных магов. Однако, сказав правду, он подставил бы под удар и свою мать, и Ингельда, и Бэарсэй... ему было очень

трудно решиться. Целый день Ольванс не напоминал ему о данном обещании; а на закате этого дня сам Ареллаган пришёл к нему, пробравшись через окно в саду, чтобы не быть замеченным. Ольванс, приготовлявший уроки за столом, немало удивился, обнаружив друга сидящим у себя на подоконнике в самой беззаботной позе.

– Э-э... Ареллаган, можно вопрос? – с трудом сохраняя спокойствие, спросил Ольванс.

– Да? – Ареллаган взглянул на него с обречённой решимостью.

Если Ольванс спросит сейчас, глядя в глаза, в упор: «Ты демон?» – он, не раздумывая, ответит: «Да!» – потому что ему надоело притворяться и лгать даже близкому другу.

Однако Ольванс спросил вначале совсем иное. Крепко сжимая в кулаке серебряный наконечник, вынутый из простреленной шляпы Ареллагана, он подошёл ближе, замер напротив и натянутым голосом осведомился:

– Как ты сюда смог забраться без верёвки?

– Перескочил, – обречённо ответил Ареллаган. – Я могу.

– Почему? – настырно спросил Ольванс и подкинул наконечник на ладони. Его глаза понимающе сверкнули, и он шёпотом спросил: – Ты отверженный, да? Оборотень?

– Я не оборотень и не отверженный! – надменно воскликнул дэ Сэдрихабу, отшатываясь от Ольванса с независимым видом. – Меня зовут Ареллаган, и я сын главы Верховного Совета духов, а моя мать – Принцесса Мередит, наследница трона Авалории! Я будущий Король, я сильнее многих существ, и я уж точно не отверженный!

Лицо Ольванса чуть дрогнуло, и он с пониманием стиснул в ладони серебряный наконечник.

– Теперь понятно, откуда это взялось, – промолвил Ольванс, видимо, ничуть не удивившись тому, что Ареллаган назвал себя полукровным духом и претендентом на престол. – Так ты мне солгал?

– Ну да, – просто признался Ареллаган. – Разве ты на моём месте поступил бы иначе, не зная, к кому едешь?

– Понятия не имею, – Ольванс пожал плечами, – я не могу представить себя в такой дурацкой ситуации.

– Дурацкой?! – тотчас возмутился Ареллаган. – Что именно ты считаешь дурацким в моём положении?

– Ты не дух и не человек, – объяснил Ольванс, морща лоб от усердия, – ты вроде бы наследник трона и мой конкурент, но ты мой друг, и я не хочу делить с тобой эту страну в войнах. Ты вроде бы и близок ко мне, я тебя полжизни знаю, но, если бы не эта охота, ты мне никогда не рассказал бы, кто ты на самом деле, ведь так?

– Ольванс, я... – Ареллаган запнулся и умолк. – Хотя... ты прав, я не рассказал бы.

– Почему? – лицо Ольванса вспыхнуло надменной краской.

– Объясни мне, зачем?! В Авалории все ненавидят нас, – задыхаясь, Ареллаган начал описывать по комнате круги. – Я был уверен, что ты точно так же отвернёшься от нас с Бэарсэй, начнёшь устраивать на нас облавы и забудешь, что когда-то мы были друзьями, потому что у людей память куда короче, и они намного более кровожадны!

– Снова те же самые слова... – прошептал Ольванс. – Ареллаган, слушай, нельзя всех мерить одной меркой!

Ареллаган ненадолго замер, косо поглядел на Ольванса и продолжил метаться по кругу, весь настороженный и напряжённый. Он не мог стоять неподвижно, лицом к лицу с Ольвансом, потому что чувствовал смертельный холод серебра, зажатого в его руке, и втайне опасался, что Ольванс может метнуть его и попасть в цель. Он видел, как колеблется Ольванс, чувствовал его страх и старинные инстинкты: бить демона серебром, не раздумывая, лишь бы угодить в голову или сердце. На лице Ольванса отражалась сложная внутренняя борьба. Он отошёл к окну и, стискивая совершенно белые губы, высунул руку с наконечником за карниз.

– Всё по-прежнему, Ареллаган, – спокойно сказал он и разжал кулак. Наконечник глухо ударился о сухую землю в нескольких метрах под окном.

Ареллаган остановился, изумлённо моргая.

– Зачем ты это сделал?

– Иначе ты не поверил бы, что я не желаю тебе зла, – Ольванс вздохнул. – Ареллаган, я правду говорю. Я не боюсь тебя, и я никогда не стану гоняться за тобой с серебряными сетями.

– Но я же претендент на трон, это я должен быть наследником! – воскликнул Ареллаган, поражаясь его наивности. – Неужели ты не боишься, что я...

– Я верю, что ты мой друг, – в глазах Ольванса появилась усталая тень, – и я, повторяюсь, не хочу воевать с тобой. Я понимаю, что ты имеешь законное право взять у меня эту страну. Если ты так мечтаешь об этом, если чувствуешь, что готов – я отдам тебе Корону, как только её наденут мне на голову.

– Но ведь ты совсем не подумал о своих братьях и сёстрах. С ними я тоже не хочу сражаться за власть.

– Ареллаган, мы расскажем им обо всём, и мы вместе подумаем над тем, как сделать нашу жизнь мирной в будущем. – Ольванс вдохновенно говорил, расхаживая по комнате и взмахивая руками. – Может быть, нам устроить двоевластие? У нас с тобой будет двойной трон, и мы будем советоваться друг с другом: две головы всё же лучше одной, верно? И я намного лучше знаю и понимаю людей, потому что я сам человек...

– В одной стране не может быть два Короля, – решительно сказал Ареллаган. – Это глупые мечты, Ольванс.

– Ничего глупого я тут не вижу. Это возможно, я абсолютно уверен, что возможно.

Ареллаган поглядел в его решительное лицо и про себя тоскливо усмехнулся. Легко было говорить молодому и неопытному Ольвансу, привыкшему, что каждый его каприз исполняется немедленно... Он совсем не понимал, как тяжело осуществить то, о чём он говорил. Авалория держалась на старинных законах и обычаях, только они придавали какую-то стабильность местной кавардачной жизни, и самым главным законом, первым из обычаев было почитание верховной власти. Король – почти что Бог в глазах своих подданных, но вместе с тем он – пожизненный раб, подчиняющийся жёсткому диктату двора и обязанный следовать букве закона. Конечно, Король имел право отменить любой из эдиктов, любой... но не тот, что изменял форму правления в государстве. Король мог избрать себе преемника по своему усмотрению, но только носителя крови Вампьерде. А как Ольванс мог объявить стране, ненавидящей отверженных, что их будущий правитель – полукровка, сын Главы Верховного Совета Духов и Принцессы Мередит? Кругом вставали одни лишь вопросы...

– Идём к остальным? – спросил Ольванс, прерывая невесёлые размышления Ареллагана. Рука Принца уже тянулась к двери. – Нужно сказать им правду!

– Нет, – Ареллаган резко вскинул голову, и Ольванс удивлённо расширил глаза. Ареллаган повторил настойчивее: – Не сейчас, Ольванс. Я сам сделаю это, но не теперь...

На самом деле он всего лишь боялся взглянуть в глаза своим друзьям после того, как они узнают, кто он. Ребята ни разу не отозвались об отверженных плохо; они всегда вступали в споры с доном де Марийо, когда он принимался обличать духов, и сам Ареллаган множество раз бывал в их мыслях, мог предсказать их поступки... И всё же он страшился, что просчитается, оступится, и их дружбе настанет конец.

Ольванс медленно кивнул и отступил от двери.

– Я понимаю, – сказал он, – не будем пока делать этого.

* * *

Королевский дворец, забитый народом, никогда не страдал от недостатка празднеств. Каждый день случалось нечто, достойное внимания: сговор, обручение, свадьба, рождение детей, чей-то день рождения, удачная охота, магический турнир или сражение на мечях, побе-

дителей которого усыпали цветами и любовью... Но куда больше памятных дат оставалось бы в памяти двора, если бы чванливыми дамами в длинных платьях со шлейфами и кавалерами, облитыми вёдрами духов, во внимание принималась жизнь слуг, на которых стоял и держался во всём своём чарующем парадном блеске Белый Замок. Но только слуг здесь предпочитали не замечать, проходя мимо них, даже если они стояли совсем рядом, почтительно склоняя спину.

Слуги обитали на нижних этажах, некоторые – даже под землёй, в мрачных подземельях, где ещё пятьдесят лет назад жестоко пытали и убивали особо опасных политических заключённых. Они сновали по комнаткам с низкими потолками, работая без устали и падая обессиленными, когда наконец-то затихали господа. Абсолютное их большинство обитало в крошечных каморках, похожих на тюрьмы, с зарешеченными окнами и кучей продырявленных матрасов, лежащих прямо на полу. Личные комнаты метр на метр размером имели только главная кухарка, мажордом, главный садовник, первый конюший, начальник почтальонов, шеф-повар и пятнадцать придворных музыкантов (только потому, что эти музыканты были приглашены из неварских степей и уехали бы, если бы их поместили с остальными). Почему все рвутся во дворец, Ареллаган не понимал: ведь здешние условия были едва ли не хуже, чем в самых отсталых городах и сёлах Империи...

Настире и Косте быстро ему всё объяснили.

– Это называется «общая спальня», – Настире с ядовитой усмешкой окинула рукой небольшое пространство, заполонённое матрасами. На некоторых, завалась на бок и храпя, спали измождённые слуги. – Тут, как видишь, приличие отдыхает.

– Какая гадость... – простонала Бэарсэй, поморщившись и отвернувшись от чрезмерно вонючего конюха, слабо пофыркивающего огромным рыхлым носом.

– Я тоже так думала, – хмыкнула Настире, – а потом привыкла. Я же не всю жизнь здесь жила и не всегда спину гнула. Вообще-то, мой дед ещё был человеком, причём довольно богатым; по-моему, даже дворянином. А потом его единственного сына, моего отца, покусал оборотень, и пошло-поехало... – Настире вздохнула, медленно складывая лодочкой ладони и отнимая их друг от друга. – Понимаешь, инстинкт – его ведь не выкинешь. И мой отец, хоть и боролся, да всё же не смог скрыть, кто он. Хлопот и мама подбавила: кто ж знал, что она ведьма, она тоже не всю правду говорила, когда выходила за отца замуж... Короче говоря, дед лишил моих родителей наследства и отказался от меня. Мы переехали в Аккаранайдо, сначала жили на папины сбережения. У меня жажда крови не так сильна, как у обычных оборотней, поэтому при желании я себя могу сдерживать. До двенадцати лет я училась в элитном пансионе, за руку с графинями здоровалась, а потом деньги кончились... Учителя мне перестали улыбаться, графини задрали носы, а потом меня вышвырнули из пансиона, когда стало ясно, что отец ни медяка не заплатит больше. Потом, чтобы расплатиться по пансионским долгам, мы дом продали, жили в ночлежке, кем только ни работали, чтобы ноги не протянуть... – Настире повела плечами. – Знаете, разнорабочим тяжело приходится, особенно тем, кто всю жизнь провёл в роскоши. Отец перетрутился – и умер, а вскоре за ним и мать умерла. Не знаю, как я выжила. Косте помог: мы с ним тогда только познакомились, – кончики ушей Настире зарделись.

– Оба на стройке пахали, – грубо сказал вошедший Косте, перебрасывая из руки в руку пачку конвертов. – Ты Олемуна не видала?

Настире чуть озадаченно огляделась, пожала плечами и растерянно протянула:

– Нет... а он тебе разве так сильно нужен?

– Мне? Да мне на него как раз-таки больше всех наплевать! – фыркнул Косте. – Но Монтега приказывает срочно доставить эти письма, а Олемун у нас самый быстроногий. По всему замку его ищут – но никто эту тварь не видел.

– Наверняка в конюшнях спит, – предположила Настире, – поищи там. Он постоянно у стойл валяется, причём никогда их не почистит.

Почесав в затылке, Косте с раздражённым ворчанием вышел, и Настире покачала головой, скрывая улыбку, вслед. Тоскливыми глазами она обвела комнатку и пробормотала, скорее обращаясь к себе, нежели к Ареллагану и Бэарсэй, ожидавшим продолжения её истории:

– Да... кто ж знал, что и во дворце жизнь будет хуже ада?..

На стене комнаты вдруг взорвался оглушительным боем заколдованный колокольчик. Спящие слуги тревожно вскинулись на своих местах, встревоженно вертя взлохмаченными головами и едва продирая слипающиеся глаза. Из нутра колокольчика, вместе с колебаниями язычка, раздавался сухой голос мажордома, звучавший настолько отчётливо и громко, как будто колокольный язычок был языком самого человека, стоящего у них за спинами.

– Настире, Алимена и Керра, к герцогине Эббрской, – не повышая тона, равнодушно и монотонно отчеканил мажордом. – Немедленно на уборку.

Настире вскочила, торопливо оправляя платье.

– Да что там опять у неё случилось? – прошипела она. – Уже в пятый раз вызывает нас обратиться в комнатах. Неужели у неё там снова кавардак?

– Настире, Алимена и Керра, если опоздаете, как в прошлый раз, будете наказаны, – сухо ответил колокольчик голосом мажордома.

Оставшиеся слуги, чьи имена названы не были, равнодушно зевнули, мигнули пару раз, потянулись и снова обрушились на жёсткие лежанки, засыпая уже в падении. Настире торопливо зашагала к дверям, поскрипывая грубыми башмаками и без стеснения отдавливая лежащие на своём пути руки и ноги товарищей.

– Потом поговорим, – сказала она, толкая дверь плечом, – приходите лучше к Косте в лачугу, там вечером будет поспокойнее. У нас и правда есть важные для вас двоих новости.

Алимена и Керра, вскочившие с лежанок в противоположных концах комнаты, выбежали следом за Настире, без особенного труда протиснувшись вдвоём в узком дверном проёме. Бэарсэй, провожая колышущиеся от неровного бега фигуры удаляющихся служанок, без особенного интереса спросила у дэ Сэдрихабу:

– И что это они хотят нам сказать?

– Наверное, это можно узнать только у них самих, – осторожно предположил он, по примеру Настире нагло шагая по спящим слугам, которые даже не вздрагивали, когда по их телам проходились чьи-то башмаки.

* * *

В коридоре, протягивающемся за комнатами слуг, будто огромная отдыхающая змея, их поджидала, пылая глазами, мать.

– Не надо было приглядываться и ломать голову, чтобы понять, что она злится. В зрачках Мередит бушевало пламя, сама она, казалось, раздувалась от ярости; вот-вот лопнет. Бэарсэй затормозила, трусливо прижав к плечам голову, когда завидела грозную фигуру Мередит впереди, но Мередит не стала ругаться сразу же. С трудом сохраняя спокойное выражение лица, она развернулась и пошла рядом с ними, не говоря ни слова. В её присутствии Ареллаган чувствовал себя скованным, виноватым и совершенно никчёмным. Ему хотелось бы, чтобы она поскорее передумала ругаться и ушла, но Мередит вместо этого сопровождала их к своим покоям, провела внутрь и только затем, сделавшись похожей на грозную тучу, обрушилась на них.

– Что вы себе позволяете?! – проговорила она тихим голосом, в котором отдалённо звучали чудовищные шквалы и грохот камнепада.

– Мы же ничего не сделали, матушка, – робко промолвила Бэарсэй, приподняв руку, как будто на занятиях. – Просто ходили к Настире и Косте... Я много раз вам говорила этого не делать, – шумно выдохнув, чрезвычайно холодно сказала Мередит. – Я говорила вам,

что к вам и так относятся с подозрением. Ареллаган умудрился рассказать Ольвансу правду о своём происхождении, – она перекрестилась своим холодным повелительным взглядом с упрямым и резким – Ареллагана. – Я рассказывала вам о всех последствиях, что могут произойти, однако вы решили, что вы умнее и опытнее меня и можете действовать без оглядки на мои решения. По-моему, я брала вас сюда на условиях абсолютного повиновения, но я теперь даже уважения от вас двоих не вижу. Вы живёте в змеевнике, достаточно тронуть одну гадюку, чтобы погибнуть. Вы умудрились расшевелить их всех – и как теперь вам жить в безопасности?

Ареллаган устало заметил:

– Я умею защищаться от людей, госпожа матушка.

– Умеешь?! – рявкнула Мередит, оборачиваясь. Её глаза вдруг вспыхнули, как жадное пламя пожара. – Достаточно одной нелепой случайности; одного меткого выстрела, которого ты не заметишь, чтобы тебя не стало... Твоё могущество не означает, что тебя нельзя одолеть хитростью. Я множество раз говорила тебе об этом, но ты не слушаешь меня, и, что хуже того, Бэрсэй следует твоему примеру. – Мередит тяжело вздохнула, отвернулась к окнам и горько спросила: – Разве вы не помните, что случилось с Лесли по вашей вине?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.